

В. МАЕВСКИЙ

АФОН и ЕГО СУДЬБА

РУССКИЙ АФОН

Издательство «Индрик»

Выпуск 3

Владислав Альбинович Маевский
Афон и его судьба
Серия «Русский Афон», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11061309
Афон и его судьба: Индрик; Москва; 2009
ISBN 978-5-91674-066-0

Аннотация

Книга русского писателя-эмигранта Владислава (Владимира) Альбиновича Маевского (1893–1975) «Афон и его судьба» никогда не издавалась в России. Являясь одной из последних книг, вышедших при жизни автора, она подводит своеобразный итог его многолетних усилий по сохранению Русского Афона в условиях фактической административной блокады Святой Горы правительством Греции в 50–60-е гг. XX в. В книгу, по замыслу автора, вошел публиковавшийся ранее цикл «Афонские рассказы», которые вместе с очерком Бориса Зайцева составляют золотой фонд русской литературы об Афоне XX в.

Содержание

В.А. Маевский и его книга	4
Вступление	9
Первое паломничество на Афон	11
Приезд. Монастырь Св. Пантелеимона	11
Старый Руссик Икарея	19
Андреевский скит	26
В скиту пророка Илии	30
Паломничество по святой горе	33
Лавра святого Афанасия	34
Крестовская келлия	36
Келлия св. Артемия	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Владислав Альбинович Маевский

Афон и его судьба

В.А. Маевский и его книга

Имя Владислава (Владимира) Альбиновича Маевского (1893–1975) почти неизвестно на родине. Такова обычная судьба многих представителей русской интеллигенции, начинавших свою деятельность в разгар Первой мировой войны. На чужбине, в эмиграции, ему удалось опубликовать более тридцати пяти книг¹, причем диапазон интересов этого писателя, историка, литературного критика и даже поэта чрезвычайно широк.

Биографические данные о нем очень скудны². В. А. Маевский родился на Украине, в Кременчуге, и принадлежал к древнему польскому роду Маевских. В 17 лет, преисполненный «отваги и самоуверенности», он хотел поступить в Михайловское артиллерийское училище, но по пути в Петербург раздумал и вернулся обратно, не выдержав разлуки с домом. Он решает посвятить себя литературе – но от судьбы не уйдешь, и как большинству его ровесников Владиславу предстоит провести под ружьем немало лет.

Первые печатные опыты двадцатилетний юноша посвятил описанию своего знакомства с Балканами, которое произошло во время Балканской войны 1912–1913 гг., где Владислав Альбинович воевал добровольцем. Первая его книга «Путевые наброски» (СПб., 1913) – это результат поездок по Турции, Сербии, Черногории и Далмации. Уже в ней Маевский заявил о себе как о поборнике славянского единства, основанного на православии. И этой идее В. Маевский остался верен всю жизнь. На Балканах, в Югославии, пройдет затем первая половина его жизни в эмиграции, и он на деле послужит укреплению сербско-русского братства.

С первых шагов литературной деятельности Маевский показал себя разносторонним писателем. Так, 1913 г. в Харькове увидела свет небольшая книжка Маевского на специальную тему: «Значение статистики». В дальнейшем Владислав Альбинович будет затрагивать самые различные темы: напишет исследования о И. С. Шмелеве, А. С. Пушкине, П. А. Столыпине, известных церковных публицистах Скворцове и Тихомирове и даже о Льве Толстом. Много трудов автор посвятил духовной жизни Югославии, писал художественные произведения и воспоминания о своей военной юности, об эмиграции и уделял внимание проблемам крестьянского хозяйства, но главным предметом его литературного творчества стала Святая Гора Афон.

В начале Первой мировой войны Владислав Альбинович издал в Москве сборник статей «Великая Россия и героическая Сербия». Желая делом следовать своей идее, он отправился на фронт добровольцем, служил в лейб-гвардии саперном полку и получил звание штабс-капитана. Революция застала Маевского на фронте, и скоро он оказался в рядах Добровольческой армии на юге страны. В 1919 г. он командовал взводом гвардейского конно-подрывного полуэскадрона, состоявшего в основном из юнкеров, затем служил в отдельной

¹ См. ниже библиографию работ В.А. Маевского, исправленную и дополненную для настоящего издания.

² См. Косик В. И. Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX в.) М.: ПСТ-БИ. 2000. С. 244; Фостер Л. Библиография русской эмигрантской литературы. Т. II. С. 731; Геринг А. А. Материалы к библиографии русской военной печати за рубежом. С. 53; Русские писатели эмиграции: Биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, церковной истории и православной культуре: 1921–1972 / Составитель Н. М. Зернов. Boston: G. K. Hall & Co., 1973; Незабываемые могилы. Т. IV. Л – М. М.: Пашков дом, 2004; Полански П. Русская печать в Китае, Японии и Корее. М.: Пашков дом, 2002. С. 106; A Commemorative List of the Departed Servants of Orthodoxy in North America («Dip-tychs») // Syosset: Department of History and Archives (Калифорния, США), 1992

гвардейской инженерной роте. О Гражданской войне Маевский впоследствии расскажет в книге «Повстанцы Украины: 1918–1919 гг.» (Белград, 1938).

Добровольцам приходилось сражаться не только с красными, но и с махновцами, петлюровцами и другими «освободителями» Украины. Полк Маевского брал Чигирин и родной Кременчуг, дрался под Киевом и Нежином. Писатель вел фронтовые записи, описывал боевые действия, впоследствии все эти материалы сложились в целый ряд произведений («Наброски с фронта» (Киев, 1918); «Гвардейские саперы» (Новый Сад, 1938); «В сиянии славы»). Предназначались эти книги русскому юношеству, понесшему основные тяготы Гражданской войны. Гражданская война закончилась для Владислава Альбиновича, как и для многих его соотечественников: 25 января 1920 г. он отплыл из Одессы в Константинополь, там голодал и бедствовал вместе с такими же беженцами, как и он. Вот как написал об этом другой эмигрант, митрополит Вениамин (Федченков): «Со всех сторон, как мухи на пададь, окружили нас пароходики, шаланды, лодки, предлагая пищу, фрукты и даже пресную воду. Да... На многих судах уже не хватало ее, и люди были готовы напиться за золото. И, насколько помню, этой водой торговали преимущественно греки. Православные христиане, они – увь! – показали себя несколько не менее корыстными, чем турки, даже, говоря откровенно, более. Печально это писать, но такова была правда истории». Позже эту печальную правду пришлось подтвердить самому Маевскому: «...Святая Гора Афон привлекла такое внимание греческого правительства не своей святостью и вековой славой, а своим богатством, созданным всеми православными народами... Захватив Афон, греки ввели туда большие полицейские отряды и издали строжайшее распоряжение об обязательном принятии всеми насельниками греческого подданства... Турки – враги всего, что противно исламу, – хранили в душе своей пиетет к православной вере и ее святыням, которого очень мало у греков-христиан. Турки следили только за порядком и безопасностью этого исключительного места и его великих насельников и гордились тем, что в их государстве находится величайшая православная святыня».

Скоро писатель оказался в эмиграции в Югославии и начал сотрудничать с русскими православными организациями, поступил на богословский факультет Белградского университета. Ему удалось устроиться библиотекарем в Сербскую Патриархию. Превосходное владение сербским языком обратило на Маевского внимание Сербского Патриарха Варнавы (Русича), воспитанника Санкт-Петербургской духовной академии. В апреле 1930 г. Маевский стал его личным секретарем. Тогда же началась активная научная и литературная деятельность писателя. Работа личным секретарем Патриарха открыла перед Маевским новые возможности. Он предпринял четыре паломничества на Святую Гору, написал небольшую брошюру об Иверской иконе на Афоне³ и первый очерк, посвященный Афону⁴. Тогда же он опубликовал работу о роли Крестовых походов на Православном Востоке⁵. В 1941 г. вышла еще одна книга Маевского об Афоне, посвященная сербскому монастырю Хиландар⁶. Тогда же написал он двухтомный труд о Сербском Патриархе Варнаве, большом друге России, выпустил под своей редакцией сборник «Русское Зарубежье – Патриарху Варнаве» и напечатал другие научно-литературные труды⁷. Впоследствии югославский период жизни стал материалом для фундаментального труда: «Русские в Югославии: взаимоотношения России и Сербии» (Нью-Йорк, 1960. Т. I; Нью-Йорк, 1966. Т. II). В этой книге он не только анали-

³ Иверская Богоматерь на Афоне. Белград: Русская типография С. Ф. Филонова, 1932. 64 с.

⁴ Святая гора. Сремски Карловцы, 1937. 87 с.

⁵ Крестовые походы и борьба на Востоке. Дрезден, 1935

⁶ Лавра Хиландар. Новый Сад, 1941

⁷ См. библиографию за 1931–1941 гг.

зировав русско-сербские отношения в эмиграции, но и представил прекрасный материал по истории Русской Православной Церкви за границей.

После оккупации фашистами Югославии В. А. Маевский оказался на территории самопровозглашенного государства усташей – Хорватии. Был подвергнут аресту и выпущен под наблюдение полиции, но все равно продолжал принимать активное участие в жизни русской эмиграции на территории Югославии. Его литературно-общественная деятельность возобновилась почти десять лет спустя, когда отгремела Вторая мировая война и улеглись вызванные ею потрясения. После Второй мировой войны, после немецкого концлагеря он попал в Швейцарию, где возобновилась его дружба с И. С. Шмелевым, начавшаяся в Крыму в революционное лихолетье. Начался новый этап в общественной деятельности Маевского. Он пытается использовать эмигрантские круги для противодействия правительству Греции, проводящего политику вытеснения негреческого монашества с Афона, привлечь к решению этой проблемы международные организации и представителей Московского Патриархата.

Находясь в Швейцарии, Владислав Альбинович получил возможность восстановить связь с русским Афоном. И вот к нему стали приходить тревожные вести о вымирании, запустении и разрушении русских обителей. Писатель решил обратиться к собору Русской Церкви США, который открывался примерно в это время. 8 сентября 1946 г. он отправил пространный меморандум на имя председателя Предсоборной комиссии архиепископа Виталия. В этом документе он предложил интересное решение проблемы: «Большое религиозное движение среди десятков русских беженцев, группирующихся вокруг свободной Зарубежной Церкви, свидетельствует о том, что смену для афонского монашества найти очень легко, что она уже существует, необходимо лишь переправить ее на святую Гору». Одновременно он выступил со статьей «Промедление смерти подобно» в газете «Новое русское слово» от 20 октября 1946 г. Собор не смог уделить внимания афонской проблеме, так как на повестке дня неожиданно встал вопрос о соединении с Московским Патриархатом в рамках автономии.

Писатель был не в состоянии в одиночку преодолеть заслон греческих чиновников, надежно закрывший на Афон путь русскому человеку. Но он продолжал настойчиво призывать православных людей к решению этой проблемы, в том числе и своих собратьев по перу. Он писал письма, статьи, книги. В 1950 г. вышел в свет сборник «Афонские рассказы», остающийся и сегодня одной из лучших книг о Святой Горе. Жанр и структура сборника позволила автору включить в него материал всех своих посещений Афона в 30-е гг. XX в., благодаря чему возник единый высокохудожественный образ афонской жизни после Первой мировой войны – наиболее мрачного в жизни монашеской республики. Несмотря на достаточно мягкую и весьма уместную критику националистической политики греческого правительства, которое начиная с 1926 г. жестоко и цинично добивалось сокращения численности монашества на Афоне вообще, а негреческого монашества в особенности, с момента появления книги въезд на Святую Гору для Маевского был закрыт. Он знал, чем рискует, но на карте стоял тот Афон, сохранение которого стало целью его работы. Его голос был услышан. Выступили со специальными обращениями писатель Г. Д. Гребенщиков и адвокат И. М. Цап. Через шесть лет после начала борьбы за русский Афон группа православных христиан во главе с архиепископом Зарубежной Церкви Леонтием написала петицию в ООН. Только в июне 1963 г. писателю удалось еще раз посетить Святую Гору в составе официальной делегации Московской Патриархии, в качестве личного переводчика архиепископа Никодима (Ротова), когда весь европейский мир отмечал 1000-летие Афона. Такое представительное паломничество, каким стало празднование 1000-летия Афона, оказалось первым за весь почти сорокалетний период унижения, глумления и в итоге истребления афонского монашества светской властью православного греческого государства. То, что открылось высоким гостям, произвело на них сильное впечатление. Писатель стал свидетелем резких слов, с

которыми Болгарский Патриарх Кирилл обратился к Патриарху Афинагору: «Господь взыщет с Вас, а история Вас осудит, если в Ваше Патриаршество угаснут славянские лампы на Святой Горе». Вселенский Патриарх Афинагор, в чьей юрисдикции находится Афон, вынужден был дать публичное обещание воздействовать на греческие власти с целью изменения ситуации. Но на деле она только ухудшилась. Старые монахи в 60-е гг. XX в. вымирали, пополнения не было или почти не было. Многие здания не только келий, но даже скитов и монастырей разрушались. Афон оставался закрытой для посторонних зоной, и он умирал. Поэтому появление в 1969 г. книги под названием «Афон и его судьба» преследовало цель не только рассказать о чуде, которым является Святая Гора и ее монашеские обители. Это было уже требование немедленно вмешаться, обращенное как к Православным Церквям Европы и Америки, так и к международным организациям, таким как ООН, да и просто ко всем цивилизованным людям. В новую книгу вошли прежние рассказы почти в полном составе, но автор сгруппировал их по трем главам в соответствии с хронологией своих посещений Святой Горы. Текст был немного сокращен и отредактирован, приобрел большую динамичность, но читался по-прежнему легко и увлекательно. Сверив состав сборника «Афонские рассказы» с новой книгой, мы обнаружили, что четыре текста были изъяты автором, очевидно в целях сокращения⁸, а еще один очерк, «Нужды Афона», разросся в самостоятельный раздел, названный «Угашаемый светильник». Материалы его рассказывают о расправе православной Греции над своими братьями – негреческими монахами Афона.

Об отчаянном положении монахов Святой Горы, ставших, по сути, узниками греческой полиции полуострова, в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. начали говорить не только православные публицисты. В конце концов общественное мнение перестало закрывать глаза на происходящее. Появились вопросы к греческому правительству. Сербская, Русская и Болгарская Церкви так же настойчиво требовали соблюдения прав своих членов на Афонской Горе. Возвысили голос представители русских православных общин в Европе и Америке. Все это привело к постепенному (насколько возможно более медленному) смягчению позиции греческих властей по недопущению на Афон иноков негреческой национальности. Это был перелом. Появилась надежда сохранить Афон не только православным и монашеским, но и многонациональным. И в этом была заслуга прекрасной книги рыцаря Святой Горы – В. А. Маевского.

«Окончательно вопрос о общеправославном Афоне конечно может быть решен только тогда, когда Великая Россия вернется к прерванному своему историческому пути и призванию среди православного мира», – эти слова писателя можно назвать пророческими. Не наступает ли это время сегодня?

В конце 40-х гг. Маевский переехал в США, поступил на работу в Свято-Тихоновскую семинарию в г. Саут Канаан, штат Пенсильвания, где преподавал различные дисциплины, как богословские, так и исторические. Там начинается довольно тесно общение Владимира Альбиновича с сербским святителем Николаем (Велимировичем), и вскоре владыка присоединился к профессорско-преподавательскому составу семинарии. Маевский до конца своей жизни продолжал издавать как монографии, так и статьи в периодической печати русской эмиграции. Скончался он 16 января 1975 г., похоронен в Пенсильвании, на кладбище города Розлин. Книги Маевского ждут переиздания в России, где его имя становится все более известным и привлекательным. Оно действительно достойно своего места в отечественной словесности. Предлагаем вниманию читателей ряд очерков Владислава Маевского, описывающих путевые впечатления писателя от поездки на Афон, о памятных встречах с насельниками Святой Горы.

⁸ Эти четыре рассказа приводятся в приложении к настоящему изданию.

Книги В.А. Маевского

- Путевые наброски (Турция, Сербия, Черногория, Далмация). СПб., 1913. Значение статистики. Харьков. 1913.
- Великая Россия и героическая Сербия (сборник газетных статей). М., 1914. Распределение продуктов продовольствия. Киев, 1914. Вешние воды. Пг., 1914. Т. I.
- Эволюция крестьянского хозяйства 1902–1912 гг. в Полтавской губернии. Киев, 1915.
- Будущая Югославия. Киев, 1916.
- Наброски с фронта. Киев, 1918.
- Искры. Нови-Сад. 1931. Т. II.
- Сербский патриарх Варнава и его время. Белград, 1932. Т. I–II.
- Иверская Божья Матерь. Белград, 1932.
- Революционер-монархист (Тихомиров). Нови-Сад, 1934.
- Русское Зарубежье – Патриарху Варнаве / Сборник под ред. Вл. А. Маевского. Белград, 1935.
- Крестовые походы и борьба на Востоке. Дрезден, 1935.
- Народный Патриарх. Сремски Карловцы, 1936. Т. I–II.
- Святая Гора. Сремски Карловцы, 1937.
- Женщины. Белград, 1937.
- Гвардейские саперы. Нови-Сад: Русская типография С. Ф. Филонова, 1938. (другое название: В сиянии славы. Государевы саперы).
- Повстанцы Украины. Белград, 1938.
- Неугасимый Светильник. Шанхай, 1940. Т. I–II.
- Лавра Хилендар. Нови-Сад, 1941.
- Афонские рассказы. Париж, 1950 (репринт: Коломна, 1993).
- Трагедия богоискательства Льва Толстого. Буэнос-Айрес, 1952.
- Внутренняя миссия и ее основоположник (В. М. Скворцов). Буэнос-Айрес, 1954.
- Памяти Ивана Сергеевича Шмелева. Мюнхен, 1956.
- По тропинкам прошлого. Буэнос-Айрес, 1957.
- Христианство и социализм. Буэнос-Айрес, 1959.
- Патриарх Варнава и конкордатная война. Б. м. (США), 1958.
- Взаимоотношения России и Сербии. Буэнос-Айрес, 1960. Т. I.
- Лесна, Хопово и Фуркэ. Сан-Паулу, 1962.
- Борец за благо России (Столыпин. К 100-летию со дня рождения). Мадрид, 1962.
- На грани двух эпох. Трагедия императорской России. Нью-Йорк, 1964.
- Дореволюционная Россия и СССР. Мадрид, 1965.
- Взаимоотношения России и Сербии. Т. II. Русские в Югославии (1920–1945). Нью-Йорк, 1966.
- На ниве церковной. Мадрид, 1968.
- Афон и его судьба. Мадрид, 1969.
- Исторические очерки. Б. м. 1973.

Вступление

Полуостров, лежащий на юге Македонии и носящий название Халкидонский, вдаётся в Эгейское море тремя отдельными полуостровками, из коих самый восточный называется Афоном – Святой Горой. Несмотря на свыше тысячелетнее существование иноческих поселений на Афоне, и поныне сохранилось много девственных мест, дебрей и неприступных утесов. В физическом отношении Афон представляет удивительный уголок в целом мире. Почти вся поверхность горы, ее склоны и долины покрыты вековыми, высокими деревьями и мелким кустарником разной породы. Густолиственные кедры, прекрасные и разукрашенные вьющимися по их стволам и ветвям стеблями и цветами омелы, благоухающие певги и стройные кипарисы; крепкие буки и дубы, тенистые платаны и черные тополи, плакучие ивы и громадные каштаны; маслины, миртовые, миндальные, апельсиновые и лимонные деревья; вишни и виноград, розы, яблони и груши, – вот обычные представители афонской флоры. Прекрасный вид восполняется многочисленными источниками воды. А разнообразные представители пернатого царства непрерывно оглашают воздух пением и криками. И над всем господствует яркое тропическое солнце.

Эта примечательная местность и служила с древних времен наиболее любимым очагом православного греко-славянского монашества.

Первоначальные иноческие поселения на Афоне относятся ко времени возникновения христианского монашества (IV век). Но они проявлялись в форме одиночного подвижничества и анахоретства. Лишь в царствование византийского императора Константина Погоната (668–685 гг.), отдавшего Афон в полное распоряжение монахов, здесь возникли монастыри, небольшие по размерам и населению и не богатые материальными средствами. В иконоборческую эпоху VIII века прилив монахов на уединенный и далекий от гонений Афон увеличился. Но в XI веке местное население неоднократно подвергалось опустошительным набегам со стороны арабов и морских пиратов.

Императоры Македонской династии своими щедрыми пожертвованиями и покровительством содействовали умножению монашества на Афоне. Но особенно укрепилось афонское монашество в X веке благодаря трудам святого Афанасия Афонского († 1001 г.), который впервые построил большой монастырь на самой территории Афона, ввел в нем общежительное устройство и дал своей киновии новый устав, определявший ее жизнь и церковно-бogosлужебный строй. По образцу этой Лавры Св. Афанасия стали на Афоне возникать и другие монастыри (Иверский, Каракальский, Кутлумушский и др.), в коих жизнь монахов стала устроиться на началах киновии. Вместе с тем продолжало процветать и анахоретство, эта изначальная форма афонского иночества. Высота иноческих подвигов была так почтенна, что в середине XI века Афон в первый раз и официально был назван Святой Горой – в уставе императора Константина Мономаха от 1046 года.

В то время здесь было до 180 монастырей и громадное число монахов: в одной Лавре Св. Афанасия их было больше 700. Они проводили строгую религиозно-созерцательную жизнь, и не было различия между рабом и господином; здесь царили истинная свобода и справедливость.

В царствование византийской династии Комнинов (XII век) Афон пользовался и внешним благополучием, и внутренним благоустройством. Один из императоров этой династии, Алексей I, даже узаконил, чтобы Афон был независим от всякой власти – гражданской и церковной, в том числе и патриаршей, и подчинялся только императору. Ближайшее высшее управление афонскими монастырями возлагалось на совет игуменов во главе с первым из них – протом; епархиальной власти (епископу соседнего города Иериссо) предоставлялось только право хиротонии афонских священников и диаконов по желанию монастырей.

К началу XIII века Афон был весь усеян монастырями, так что казался одним большим монастырем, представлялся всецело иноческим царством. В то же время единством духовных целей он роднил все племена и соединял в одну общину представителей разных народностей. Все стремились к одной цели – вечному спасению, для всех Афон был высшей школой православно-христианского подвижничества. Это был монашеский рай, место святое, дом Божий и Врата Небесные... Но вслед затем в истории Афона наступила другая пора.

В 1204 году, после завоевания Константинополя латинянами, подпал под их власть и монашеский Афон; высшее управление взял на себя Римский Папа Иннокентий III, а ближайшее о нем попечение было предоставлено Севастийскому латинскому епископу. При императоре Михаиле VIII Палеологе (1259–1282 гг.), который по соображениям политическим и личным затеял церковную унию с Римом в 1274 году, афонские монахи подверглись жестокому преследованию за устойчивость в исповедании православия.

В эпоху династии Палеологов (XIV век) Афон пользовался сравнительным благополучием благодаря щедротам и покровительству императоров. Один из них, Андроник Старший, отказался от непосредственного управления Афоном и подчинил его власти Константинопольского Патриарха. В 1453 году Афон был завоеван турками, но пощажен от разорения и получил право свободно совершать христианское богослужение. В последующее время подвергся бедствию – в царствование султана Селима II (1566–1574 гг.), который отнял в пользу казны все монастырские имения. И с того времени многие монастыри впали в бедность. В 1821 году, во время восстания греков, на Афон вступили турки и заняли монастыри. Взята была большая контрибуция, некоторые монастыри были ограблены и разорены, монахов частью разогнали, а частью предали смерти. Султан Махмуд хотел срыть монастыри, но пощадил по ходатайству русского императора Александра I. После этого Афон стал пополняться монахами только после заключения мира русских с турками в Адрианополе в 1829 году.

* * *

На Афоне существует 20 больших монастырей: 17 греческих, 1 русский, 1 сербский и 1 болгарский. Они занимают господствующее положение и при посредстве своих представителей (антипросопов) составляют центральное управление Афона, именуемое Протатом, которому принадлежит вся власть – административная, законодательная и судебная – в отношении ко всем иноческим учреждениям Афонской Горы.

После монастырей второе по значению место принадлежит скитам (13), расположенным на земле одного из 20 монастырей, коему и принадлежит право высшего управления скитом. К иноческим учреждениям относятся также и келлии (было их около 200), которые тоже расположены на земле одного из полноправных монастырей. Они имели свой храм, иногда два-три, а во главе не игумена, а геронта-старца. От келлий надо отличать каливы (около 400), представлявшие отдельное небольшое здание на земле монастыря или скита, проданное геронту и одному его ученику, но без права наследственной передачи другим; после смерти обоих калива снова переходила в собственность монастыря или скита.

Первое паломничество на Афон

Приезд. Монастырь Св. Пантелеимона

Было это давно. А вот вспомнилось так ясно, будто было совсем недавно.

Наш пароход Добровольного флота рано утром вошел в Дарданеллы, соединяющие Мраморное море с Эгейским или архипелагом и Средиземным морем. Простояв на якоре часа два в городе Дарданеллы, пароход вышел в море, направляясь к Святой Афонской Горе.

До глубокой ночи большинство паломников теснилось на площадке носовой части парохода, откуда был уже виден серебристый шпиль Афона.

По мере приближения нашего парохода к Святой Горе окутавшие ее густые облака постепенно редели, и Афон все более и величественнее восставал пред нашими глазами. А поздно вечером загрохотал тяжеловесный якорь; паломники засуеились. Желаящие высадиться на Афон стали надевать на плечи свои котомки, готовясь сойти в большие деревянные баркасы и лодки.

На берегу в Дафни встретили нас приветливые русские монахи и разместили в подворьях обителей и келлий афонских.

Не успели мы привести себя в порядок с дороги, как нас позвали к чаю и закуске. Чай был приготовлен в коридоре у террасы, с которой открывался чудный вид на афонский залив. С одной стороны коридора расположены были кельи иноков-гостинников, а с другой – светлый, просторный зал с диванами и креслами для приезжих гостей и большими портретами и картинами по стенам.

Закуска состояла из сельдей, нарезанных кусочками, на тарелках и черного хлеба. На длинных столах стояло несколько больших металлических чайников; в каждый из них в кипяток был засыпан чай и сахар, отчего получилось питье вкусное и нужное для истомившихся паломников. Подкрепив силы, мы в первом часу ночи встали из-за стола.

Ночь была тихая, темная. Только мягкий плеск моря нарушал глубокое безмолвие афонской ночи. Несмотря на сильное переутомление и усталость, в душе чувствовалась отрада, мир. Благодатный трепет объял душу, и явилось непреодолимое желание помолиться; чувствовалось единение духа с молитвой насельников Святой Горы.

Едва начало светать, меня разбудили паломники, отправлявшиеся на мулах и ослах в монастыри, в подворьях которых они ночевали. Наш багаж был отправлен в Пантелеимонов монастырь, и большинство паломников пошли пешком. До монастыря было ходу час с небольшим.

Встретили нас с большим радушием, вниманием и любовью. Разместили в огромном корпусе, вне монастырской ограды, на берегу. В течение этого дня знакомили нас со святынями этой великой и древней обители, старались привлечь внимание наше к исконному благочестию Афона, где тогда процветало монашество и русские обители ежегодно в стенах своих принимали десятки тысяч паломников из России.

1

Изрядно утомившийся от путешествия и множества новых впечатлений, я вскоре улегся спать. А утром проспал бы, вероятно, значительно дольше, если бы в слух мой не ворвался неожиданный и осторожный, но все же упорно-настойчивый звук, тотчас же

напомнивший мне о месте моего пребывания. Стучал в дверь фондаричный⁹, отец Паисий, одновременно со стуком произнесший обычное монашеское приветствие, так чудесно звучащее во всех православных обителях: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе Боже, помилуй нас!» Я тотчас же отозвался, по-монашески «поаминил». Отец Паисий явился ко мне оповестить о важном деле – о предстоящем визите к их знаменитому игумену, отцу архимандриту Мисаилу, старцу восьмидесяти двух лет и гордости не только этой славной обители, но и всего русского монашества на Святой Горе.

– Первоначально вас просит зайти к себе отец наместник, – весело и любезно сообщил мне инок. – Пожалуйте за мною, отец наместник уже ждет!

Я быстро собрался и через несколько минут длинными и прохладными коридорами уже подходил к маленькой двери келийки отца наместника, в которую постучался мой спутник, произнося традиционное «молитвами святых отец». Дверь нам открыл келейник отца наместника, симпатичный и с открытым лицом схимонах, отец Иаков. А через минуту я уже находился в обществе иеросхимонаха отца Иоанникия, произведшего на меня с первого же знакомства самое отрадное и серьезное впечатление. Это был образец хорошего русского инока, дополненный качествами от природы смышленного русского человека. А вышел он из своеобразной – одной только старой России известной, крепкой и патриархальной семьи второй половины XIX столетия, когда эта среда еще не была заражена упадком нравов.

Интересна сама по себе личность отца Иоанникия. Помимо высокой религиозной настроенности, примерной монашеской жизни и трудов по хозяйству он принес монастырю огромную пользу и завидной стойкостью своих убеждений. Так, во время имябожеской смуты именно он стал определенно на сторону противников этого движения, удерживая слабых и мятущихся. И в качестве опытного типографа он тогда оказал значительные услуги неимябожеской части братии и представителям Священного Синода печатанием воззваний, обращений и т. д. Большую стойкость проявил отец Иоанникий и в другом исключительном событии монастырской жизни. В 1913 году, возвращаясь из Палестины, в Пантелеимонов монастырь на Афоне прибыл злополучный Григорий Распутин. В то время он находился в расцвете своего влияния на многих высоких лиц русской церковной и государственной жизни. По своей непосредственности и малокультурности он часто этим кичился, запугивая окружающих и нередко злоупотреблял этим своим влиянием, принося жалобы на неповиновение его притязаниям.

И вот, прибыв в Пантелеимоновский монастырь, Распутин сразу же стал оказывать дурное влияние на некоторых малодушных и темных монахов, особенно молодых послушников. Он вносил в их среду свойственный ему дух изуверства и отрицания духовной дисциплины. Но сила его влияния в Петербурге, казалось, так велика, что скромное монашеское начальство растерялось. Только молодой, стремительный и крепкий духом отец Иоанникий не сробел. Он лично отправился к Распутину, смело указал ему на вред для обители от его в ней дальнейшего пребывания и вносимого им соблазна и потребовал немедленного ухода из монастыря... Невзирая на сопротивление, дьявольскую злобу и угрозы, Распутин все же вынужден был немедленно покинуть стены обители и первым паромом выехал в Россию.

Конечно, злопамятный Распутин не преминул отомстить стойкому афонскому инок. Когда отцу Иоанникию понадобилось отправиться в Россию по сбору милостыни на обитель, «старец Григорий» добился синодального запрещения ему на въезд туда.

⁹ Гостинник, заведующий помещением для гостей.

* * *

Сидели мы с отцом Иоанникием, попивали чаек и так оживленно, дружески разговаривали, будто были хорошо знакомы много лет. При этом я искренно наслаждался его речью, от которой так и веяло крепким севером далекой и милой родины. Он был чистой воды великоросс, несмотря на долгий срок пребывания на Афоне, сохранивший характер русской народной речи, казавшейся мне теперь особенно дорогой и очаровательной.

А она так и лилась, эта замечательная речь «говорком», сверкая меткими народными словцами и поговорками, поражая своей находчивостью и остроумием, знанием людей и человеческой жизни. Так говорили когда-то в старой и доброй России торговые люди. Так, вероятно, говорили русские бояре и замоскворецкие купцы при Алексее Михайловиче и Великом Петре. И отец Иоанникий, перенеся эту русскую речь через десятилетия, теперь щедро ей обдаривал меня. Время проходило быстро в приятной беседе, и жаль было уходить от такого замечательного русского самородка. В его лице соединялась ревность о славе Божьей и высоком достоинстве русского монашества на Афоне с личным подвигом иноческого жития, неослабное попечение о строгой уставности богослужения и жизни родной обители с несокрушимой энергией в настойчивой работе для устранения нужды иноков.

Везде он успевал побывать, все видел и во всем принимал личное участие. При такой склонности и горении к работе ему естественно было взять на свои крепкие рамена и управление обителью, когда старец игумен монастыря, архимандрит отец Мисаил, изнурительным недугом лишен был способности передвигаться.

– Отец игумен уже ждет вас! – сказал наместник. – Из своих покоев он никуда не выходит, но дорогих гостей принимает с любовью и радостью... Что поделаешь! Такова, видно, Господня воля, приходится отцу игумену не покидать кресла... Паралич. Да и возраст преклонный: больше восьми десятков годков... Но голова у нашего отца игумена и поныне светлая. Дай Боже, такую голову каждому и молодому! Впрочем, сами убедитесь.

Отец Иоанникий был прав. Прошло не более получаса – и я уже уходил от архимандрита Мисаила, овеянный обаянием этого удивительного маститого старца. Знаменитый игумен отец Мисаил был «уходец» из патриархальной семьи, и з толщ и русского народа. Еще безусым юношей прибыл он на Афон по горячему и полному веры побуждению и поступил в Пантелеимонов монастырь. Тогда началось длительное и упорное прохождение монастырской школы под строгим руководством опытных старцев, постепенно возводивших молодого инока на непонятную для мирского человека духовную высоту, открывавшую ему путь к высоким подвигам. И он прошел много послушаний, из которых самое важное – многолетнее настоятельство в Константинополе на монастырском подворье. Именно это послушание и дало ему большой житейский опыт, сильно расширило его кругозор.

Вообще, несмотря на почти полное отсутствие систематического школьного образования, отец Мисаил всегда отличался не только большим природным умом, но и умением себя держать с представителями различного общества и положения. Он обладал природным большим тактом в разговоре, житейской мудростью и находчивостью. Иногда только некоторая природная застенчивость замечалась в этом выдающемся монахе, но ответы его всегда были метки и живы. Лишнего он не говорил никогда и вообще всегда держался скорее сдержанно, с истинным монашеским достоинством и редкой скромностью.

Прошли многие годы, и из молодого инока выработался опытный старец, славившийся своей строгой жизнью и являвшийся образцом истинно-аскетической жизни для других монахов. И пришло время, когда братия сама с любовью и уважением возложила на отца Мисаила игуменство над собой. Но это явилось для него наиболее тяжким послушанием в ряду всех других, исполненных тогда, когда он сам еще находился под игуменской властью.

Монастырь Св. великомученика и целителя Пантелеимона на Афоне громаден. Хозяйство его разнообразно и сложно. Братия в прежние времена была многочисленна, и необходимо было обладать колоссальной силой воли, опытностью и умом, чтобы нести ответственность за благополучие обители и поддерживать престиж и высоту духовной власти. И этих качеств с избытком хватало у отца Мисаила, несмотря на его возраст и развившиеся под конец жизни недомогания, приковавшие маститого старца к креслу. Но это обстоятельство, однако, не помешало отцу игумену принять меня у себя с исключительной любезностью, отеческой ласковостью и заставить искренно наслаждаться интересной беседой с ним и отеческими наставлениями, исполненными жизненной мудрости и душевной ясности.

В облике игумена отца Мисаила было что-то патриархальное, нечто от идеального монаха доброго старого времени. Не входя сам в подробности и мелочи административно-хозяйственной жизни огромного монастыря, отец Мисаил имел дар избирать хороших помощников, которым доверял ведение монастырских дел. При этом он любил покровительствовать людям с образованием, прекрасно относился к ним и старался дать им подходящие послушания. Вообще, это был человек мира. Благодатное спокойствие, сияющая ясность духа, кротость и терпение – вот отличительные черты характера этого прекрасного человека. «Стяжи мир, и вокруг тебя спасутся тысячи», – вспоминаются при мысли о нем слова преподобного Серафима Саровского. Но выше всего у отца Мисаила был дар отеческой любви.

* * *

Я все с большим наслаждением прислушивался к густому баску мудрого старца, который ласково обдавал меня своими отеческими наставлениями, как дорогим подарком, наполнявшим мою душу лучшими чувствами. Отец Мисаил как-то невольно подчинял себе всех окружающих своими богатыми душевными качествами, влияние которых в значительной степени подкреплялось еще и внешней импозантностью его величественной фигуры. Он был высок ростом, широк в плечах и крепок телосложением, являлся как бы аллегорическим изображением доброго и могучего духа Святой Руси. И эти особенности бросались в глаза даже тогда, когда этот старец сидел в своем глубоком кресле, скованный тяжким недугом. И в то же время каждого посетителя поражала почти детская ласковость и доброта отца Мисаила.

– Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! – благословил меня при прощании отец игумен. – Еще зайдете не раз, конечно, до отъезда!

Поклонившись милому старцу, я вышел из его покоев, согретый исключительной задушевностью.

2

Время шло незаметно. Утомленный долгим хождением по обширной и живописной территории Пантелеимонова монастыря, как-то подошел я к морю. Уже наступил чудесный южный вечер, и на западе тихо угасала багрово-золотая полоска зари. А из-за афонских горных массивов робко выплывала полная луна, с каждой минутой набиравшаяся все большей силы и уверенности. Вскоре она как бы окончательно оправилась от «смущения» и тогда залила своим кротким и мягким светом и небо, и землю.

В эти минуты я случайно посмотрел в сторону хребта и пика Святой Горы – и положительно замер от удивления и восторга. Картина, представившаяся моим глазам, была поистине фантастической. Иссиня-темной, исполненной тайны и святости возвышалась Афонская Гора над целым царством сверкающего, зеркально гладкого простора, каким являлось все море, не волнуемое ни единым движением воздуха, ни ветерка. Ни один пароход, ни одна

лодка – не нарушали в эти дивные минуты божественного покоя этого прекрасного уголка вселенной. И только изредка долетало до слуха едва заметное и полное нежности плескание морских вод о каменистый берег.

Незабываемое настроение навевают на человека эти вечерние морские всплески – таинственны, редки и в то же время упорно-неизбежные, безгранично-свободные от всего того, что порождено мирской суетой. И еще глубже, еще ощутительнее становится тайна этих всплесков, когда тихий шепот моря начинает смешиваться с тихими, редкими ударами колоколов обители, призывающими к всеобщему бдению.

Прошло уже много времени с тех пор, как я, охваченный самыми лучшими чувствами, долго стоял лицом к лицу с этим удивительным видом на величественную Святую Гору, охваченную гигантской рамкой из блеска моря и лунного света. Но и сейчас эта дивная картина встает передо мной, как наяву, вместе с ее береговыми всплесками и редкими ударами колоколов обители. И как благоговейно замирает тогда сердце, как неудержимо тянет снова туда – к чудесным красотам Афона и его святынь... И как прискорбно, что эта единственная и величайшая твердыня православия так трудно достижима для громадного большинства из нас – обездоленных и усталых людей, чающих душевного покоя, укрепления в вере и Божьей помощи.

В этот вечер по своем возвращении в монастырскую гостиницу я быстро уснул. Но в полночь внезапно был разбужен плавной, певучей мелодией, которая неслась ко мне. Проснулся, привстал и в первую минуту со сна вообще не в силах был вспомнить: ни где я, ни что это. Приоткрыл свою дверь – и понял тогда, что это идет «полунощница» в соседнем параклисе. Я быстро оделся, прошел коридором и в полутемном храме простоял всю службу. Затем снова улегся и тотчас же заснул, для того чтобы на утро пробудиться полным бодрости и самого радужного настроения.

Уже благовестили к воскресной обедне. И за открытыми окнами моего номера снова ярким золотом горели все купола монастырских церквей. Горели купола собора целителя Пантелеимона и храма во имя Покрова Пресвятой Богородицы, куда я и направился. И получил я величайшее духовное удовлетворение. Воскресное богослужение в Покровском соборе совершалось с большой торжественностью и по своей благоговейности производило сильное впечатление. Прекрасно пел монашеский хор, вернее, два больших хора, на обоих клиросах, из песнопений которых особенно отличалось «Тебе поем», по своему напеву представлявшее нечто редчайшее и нигде ранее мною не слышанное. Это напев самобытный, афонский: сами монахи сочинили это «Тебе поем». А когда и в чье владычество – Господь его ведает. Может лет и пятьсот тому назад: ведь здесь нет земного времени...

После окончания литургии ко мне подошел монах-гостинник и сказал: «Теперь милости просим пройти в свой номерок и напиться чайку после литургии. А потом отец наместник просил вас пожаловать на общую трапезу».

В урочный час особый колокольный звон возвестил о созыве всех иноков на трапезу. Я немедленно покинул номер и в сопровождении фондаричного отца Паисия поспешно направился к трапезной. Туда со всех сторон огромной обители уже стекалось множество людей в черных рясах и клобуках. И уже вскоре я очутился в большой и очень высокой трапезной, сплошь по стенам и потолку расписанной живописью духовного содержания и вмещавшей громадное число иноков всех монашеских степеней, не говоря уже о послушниках в подрясниках и скуфейках. Длинные и узкие столы тянулись от одного конца до другого, приятно лаская глаз чистотой и симметрично расставленными по местам скромными монашескими приборами, старинными кувшинами и массивными чашками.

Провожатый привел меня в самый отдаленный конец трапезной, к головному столу, где сидит игумен, наместник и наиболее заслуженные старцы. «Отец наместник просит вас сесть здесь, по его левую руку, – пояснили мне любезно ласковые старцы. – Сейчас батюшка

сам выйдет к братии». Все иноки тем временем уже стояли у своих мест, занимая их во всю длину громадных столов. Не было слышно ни единого слова: все чинно безмолвствовали, ожидая прихода отца наместника и, конечно, не позволяя себе в эти минуты прикасаться к столу и пище. Так прошла еще минута-другая. И вдруг все монахи почтительно устремили глаза к широко раскрытым дверям: вошел отец наместник в мантии, в клобуке и с длинным двурогим посохом в руке. И едва он дошел до своего места, по левую сторону коего в смущении стоял я, – как мощный хор грянул «Отче наш» и Славословие. Вслед за этим отец наместник благословил «ястие и питие», давая тем возможность всем собравшимся приступить к еде.

В тот же момент на высокую кафедру вошел дежурный инок и по звонку отца наместника приступил к чтению жития святых – традиция обычная во всех православных общительных обителях. В течение всего трапезования за столами царило гробовое молчание, и не только младшие иноки, но и седобородые старцы не позволяли себе разговаривать. Только один раз, в середине трапезы, монотонное чтение «Жития» прервал колокольчик отца наместника: тогда сидящие за столами набожно осенили себя крестным знаменем и потянулись за кружками с водой.

Наконец, по удару того же колокольчика вся масса иноков покорно поднялась для участия в так называемом чине Панагии. Это древнейший православный обряд, в давние времена соблюдавшийся и в монастырях России, но впоследствии почему-то забытый. Сохранился он на Афоне, пройдя через века до наших дней без всяких изменений. Это особое краткое богослужение, совершаемое над лежащей на блюде обыкновенной просфорой, при всеобщем пении «Достойно есть» и колебании над ней воздуха несколькими старшими иеромонахами. Напева «Достойно есть», подобного тому, какой пришлось слышать при Панагии в Свято-Пантелеимоновом монастыре, я тоже не слышал ранее нигде. И, слушая его впервые, был я до глубины души восхищен и поражен торжественностью и своеобразной красотой этого песнопения. И опять я узнал об афонской же его самобытности: создали это «Достойно» сами афонские иноки, ушедшие от мира к подножию Святой Горы и давно не имевшие ничего общего со светскими песнями и звуками. И мне стало понятным, что только здесь и могут рождаться такие напевы, ибо ни один, даже самый лучший духовный композитор, не сможет создать того, что постепенно создавали какие-нибудь безвестные и смиренные певуны-иноки, долгие годы не слышавшие ничего, кроме того же церковного пения, чередовавшегося с колокольным звоном или шумом моря.

Пение «Достойно есть» при обряде Панагии продолжается достаточно долго, значительно дольше того, как иеромонахи, колеблющие над просфорой воздух, закончат свое священнодействие. Не прекращается пение и тогда, когда после окончания освящения просфоры она разламывается на части особыми дежурными эклессиархами, а затем в сопровождении дьяконов со звенящими кадильницами разносится на блюде по рядам всей братии. Каждый инок тогда, отделив от просфоры-панагии совсем незначительную частицу, благоговейно ее съедает, предварительно подержав ее над курящейся кадильницей, несомой другим эклессиархом. Таков этот строго иноческий и древний обряд старого Афона¹⁰, от которого так и веет прелестью нашей чудесной церковной истории.

* * *

Трапеза окончилась. Получив благословение отца наместника, я стал пробираться к выходу, затерявшись в густой толпе черных клобуков, мантий и простых послушнических

¹⁰ В настоящее время наши ревнители православия иерархи, следуя за желаниями благочестивых людей, восстановили обряд Панагии и в некоторых зарубежных обителях (Полачевская лавра).

подрясников. Так же как и во время трапезы, все иноки двигались молча, не переговариваясь и не окликая друг друга. Пребывая в их толпе, я еще за несколько шагов до выходных дверей заметил, как каждый инок, покидая трапезную, обходит кого-то лежавшего на полу. А уже через несколько секунд и я увидел тех, кого так бережно обходили монахи. Это были – лежавшие ниц перед выходившими из трапезной – повар, трапезарь и чтец, просившие таким образом смиренно прощения у каждого монаха за какую-либо оплошность, допущенную во время обеда или изготовления пищи. О таком прощении эти иноки-работники, согласно древнему афонскому обычаю, ежедневно просят своих братьев, в знак монашеского смирения, которым прочно проникнута жизнь афонских подвижников.

* * *

На четвертый день большой группе вновь прибывших паломников был дан проводник монах, и они отправились по горе; желавшие иметь мула или осла, платили 5–6 рублей. Путешествие по горе продолжалось 2–3 недели, но я в нем не принял участия, так как прежде хотел ознакомиться с жизнью в Пантелеимоновом монастыре – самой большой и старейшей русской обители на Афоне.

Утренняя начиналась здесь, как и на всем Афоне, в 12 часов ночи. Звон начинался за 15 минут, а звонки будильщиков в коридорах всех братских и гостиных корпусов раздавались за полчаса до начала утрени. Схимники вставали за час и, исправив положенное келейное правило, шли к утрени. И начиналась утренья, когда вся братия и паломники сойдутся в церковь; это очень строго соблюдалось.

Будничная утренья продолжалась четыре часа, полиелейная – более пяти часов, обедня – два-три часа, вечерня – полтора-два часа, вечернее правило – около часа. Кроме того, в Пантелеимоновском монастыре, хотя не в главной церкви, в продолжение седмицы бывали всенощные бдения, которые начинались в 9 часов вечера и продолжались до 4–5 часов утра. В воскресные и праздничные дни и в дни великих святых всегда совершались бдения. Эти бдения были более торжественны, продолжались не менее 10–12 и иногда даже и 15 часов. Например, в память святого великомученика и целителя Пантелеимона бдение продолжалось с 5 вечера до 8 часов утра.

День у афонской братии распределялся так: простояв 6–7 часов у утрени и ранней литургии, братия расходилась по своим делам и послушаниям. Поздняя литургия не для всех была обязательна. По окончании ее, около 10 часов утра, бывала общая братская трапеза, на которую шли вместе и паломники. Все кушанья холодные приправлялись афонским оливковым маслом.

После обеда до вечерни оставалось 3–4 часа, и в этот промежуток времени некоторые немного отдыхали, а потом опять несли послушание. Вечерня начиналась около 3-х часов; после нее ужин и опять в церковь к вечернему правилу, которое кончалось в начале 8-го часа вечера. А тут недалеко и 12-й час, когда звонок будильщика опять звал в церковь на молитву.

Отсюда видно, сколько свободного внебогослужебного времени имели в своем распоряжении иноки. Кроме того, еще келейное правило, да и чтению Священного Писания нужно было уделить время. Вместе со всем этим в монастыре широко была развита и хозяйственная часть: кузнечные, слесарные и столярные мастерские, типография, иконописные, производство капитальных построек и всевозможные тяжелые работы.

В потреблении пищи тогда в Пантелеимоновском монастыре держались таких правил. По понедельникам, средам и пятницам бывал только обед и два раза давался кипяток для чая, в остальные дни – обед и ужин и один раз кипяток.

При входе в трапезную обращало внимание паломников, что кушанья уже расставлены были на столах, для каждого в отдельной глиняной посуде; поэтому горячие кушанья прихо-

дилось употреблять уже остывшими. Если в положенные дни подавалось вино, то это было не что иное, как хороший кислый квас, не имевший ничего общего ни с вином, ни с какими другими спиртными напитками.

Суровость подвижнической жизни глубоко отражалась и на внешнем виде иноков. Они как будто не жили на земле, а всецело погружены были внутрь себя, и мысль их как бы занята была будущей жизнью. Кроме гостинников, они не вступали в разговоры с паломниками, чтобы не развлечь своего внимания и сосредоточения мысли.

Желавшим вступить в число братства иноки представляли те внутренние тяготы и скорби, которые должен пережить каждый новоначальный монах. В первый год у сознательного подвижника происходила, естественно, сильная борьба. Это был год или два больших испытаний, по выражению иноков. Потом уже бывало легче.

В 1968 году Пантелеимонов монастырь постигло большое несчастье. Пожар уничтожил ряд помещений и ценнейшую библиотеку. Храмы, к счастью, не пострадали.

Старый Руссик Икарея

1

Отдохнув и осмотревшись, на шестой день вчетвером зашагали мы в Карею – административный центр Афона. Компания была приятная: талантливый художник, молодой священник и православный англичанин, родившийся в Москве. Восхождение к Руссику происходило медленно, шаг за шагом, причем эти шаги делали не только люди, а и наши осторожные и вместе с тем поразительно умные и выносливые мулашки. На первом муле, покрытом ковром, восседал я, на другом был навьючен мой несложный багаж, третий же предназначался для муллара (моего проводника-монаха) отца Илиодора, милейшего карпаторосса, в большинстве случаев продвигавшегося пешком и тщательно выбиравшего путь для следовавших за ним животных.

Путь к Руссику – исторический путь, который много веков пролагался тысячами подвижников и богомольцев по склонам гор, расположенных уступами один над другим и покрытых прекрасной афонской растительностью. Здесь, на этих склонах, – буйное царство маслиничных деревьев, каштанов и другой густой и пахучей зелени, только изредка прерываемой небольшими лужайками. А за этими лужайками дорога опять идет всё вверх, пробегая то около живописно тянувшихся в стороне построек Ксенофского скита и утопающих в зелени отдельных калив, то вдоль полуденным солнцем разогретых древесных стволов, за которыми блещет и искрится чудесный простор моря.

– А вот уже и Руссик! – сказал мой спутник, отец Илиодор, указывая на купола и постройки, окруженные каштановым лесом. – Великим почетом пользовался в старые годы этот славный монастырь у русских и сербских царей. Здесь ведь принял иноческий постриг от русских монахов и святой Савва, сербский просветитель и угодник Божий.

Обитель эта, как явствует из ее грамот и хрисовул, была еще в Средние века по общему согласию прота и всех монастырей афонских уступлена в вечное владение русским и с тех пор оставалась в их руках до своего запустения, т. е. до исхода XVII столетия. Тогда же, по свидетельству нашего знаменитого паломника пешехода Василия Барского, подверглась она горькой участи. Политические обстоятельства не позволяли ее поддерживать, как бывало прежде, из России, и она пришла в упадок.

С тех пор и до середины XIX века оставался в запустении на горе, в дремучем лесу Старый Руссик, обросший вековыми каштанами и дубами. Посреди его развалин возвышалась из зеленой чащи одиноко стоящая башня, где некогда постригся сербский царевич Рас-тко, впоследствии святой Савва.

Но не забыты были на Святой Горе благодеяния и имя русское. В начале прошлого столетия господарь валахский князь Каллимахи по просьбе своего духовника, старца Саввы, решился обновить эту обитель Руссика, но уже не на старом ее месте, а на берегу моря, где была некогда монастырская арсана (пристань). Там он соорудил церковь с небольшой обителью. Но не успел устроить и ее благосостояние, потому что вскоре был казнен по про-искам врагов своих у султана. А немного времени спустя скончался и духовник его Савва. Но сотрудник последнего, ревностный Герасим, остался во главе скудной общины, которую всеми средствами старался поддержать.

Помня, что некогда она была русская, и не ожидая никакой помощи от греков после их восстания, старец Герасим старался привлечь в нее русских. Сперва пригласил он из мало-российского скита Св. Илии благочестивого князя Аникиту Шихматова с несколькими ино-ками. Прошло несколько лет, и старец Герасим убедился на опыте, что без русских нельзя

существовать обители Руссику, потому что от нищеты своей она впала в тяжкие долги. И чтобы поддержать начатое дело, он пригласил двух русских иноков, Павла и Иеронима, которые с немногими учениками уже несколько лет подвизались в одной из келлий, принадлежавших Ставроникитскому монастырю. Они отозвались на призыв, поселились у Герасима, и вскоре молва об их труженической жизни и денежные средства, которые получали они из России, привлекли многих их соотечественников в обитель Руссика. И уже в скором времени уплачены были все долги, начали созидаться новые строения и церковь Св. Митрофана, затем и обширные монашеские келлии.

Я с благоговением посмотрел на безмолвные и ярко освещенные полуденным солнцем стены Старого Руссика, простоявшие здесь столько веков и являвшиеся свидетелями событий, столь знаменательных для многих народов. Старый Руссик на Афоне – это подлинная колыбель здешнего русского монашества, первый молитвенный очаг тех русских иноков и подвижников, какие со всякими трудностями достигали Афона, пробираясь сюда с отдаленных просторов древней Руси. Именно здесь, в Старом Руссике, впервые зазвучала русская монашеская речь, и сюда же стали постепенно стекаться для духовных подвигов Божьи люди с берегов Волги, Тихого Дона и других бесчисленных рек нашей необъятной родины.

Русские поселились в Старом Руссике в очень далекое время, и с тех пор началась многовековая и славная история этой обители, долгое время тесно связанная с историей Сербии и ее королями. Красочное предание о факте, послужившем первопричиной этой исторической связи, хорошо известно русским людям, связавшим свою полную превратностей жизнь с братьями-сербам и их государством. Это предание о сербском царевиче Растке, сыне князя Стефана Неманича I, постригшемся в древнем русском монастыре Руссике в монашество против воли родителей и впоследствии сделавшемся первосвятителем сербским.

Как гласит легенда, произошло это при следующих обстоятельствах. Подвизавшиеся на Святой Горе русские иноки по бедности должны были ежегодно направляться в соседние страны для сбора пожертвований на их возрастающий монастырь. Блуждая по Сербской земле, эти иноки-сборщики пришли к королю Стефану и вошли в близкое общение с младшим его сыном, царевичем Растко. Красочные рассказы афонских иноков о духовном подвижничестве русских обитателей Афона так пленили душу царевича, что он тайно покинул родительский дом и бежал на Афон для принятия иночества. Бегство сына разгневало короля, и он отправил на Афон гонцов со строгим наказом привезти в отчий дом царевича. Посланные отыскивали царевича, но поручения короля до конца исполнить все же не смогли: успокоив придворных своего отца, Растко в тот же день упросил игумена постричь его в иночество. И царевич Растко был пострижен тогда, когда посланцы отца, приняв почетное угощение от братии монастыря, спокойно отдыхали в отведенном им помещении. А Растко к моменту их пробуждения уже стоял перед образом с деревянным крестом и свечой в руке в маленькой монастырской церкви, облаченный в мантию и клобук. Опоясанный параманом, он уже носил имя Саввы, данное ему игуменом при переходе в новую жизнь.

Старый король Стефан после получения письма бежавшего сына впал в яростный гнев и самолично отправился на Афон с намерением наказать монахов, а самого Растка-Савву увезти из монастыря. Но привести в исполнение этот план королю не удалось, в силу причин, далеко не обычных. Будучи встречен на Афоне уже иноком Саввой, во всей красоте его монашеского смирения, строгий сербский король внезапно переродился душой. В результате он сам принял монашество и иноческий постриг с именем Симеона. Дожив впоследствии до глубокой старости, он нашел себе мирную кончину в сербском афонском монастыре, основанном его сыном.

* * *

Ведущий свою историю с 1169 года русский монастырь на Афоне, принявший в свои стены будущего сербского первосвященника и наставителя, за долгие годы своего существования переживал немало различных бед и изменений во внутреннем устройстве и внешних влияниях. Еще в отдаленные времена монастырю Старому Руссику пришлось перенести ряд серьезных скорбей, явившихся следствием татарского владычества над Русью, каковое не могло не отозваться на материальном благополучии этой русской обители, во многом зависевшей от помощи Киева, Москвы и других городов православной страны-покровительницы.

В этот тяжелый период истории древнего Руссика немало было ему сделано добра монахами-сербскими, в некоторых случаях прямо спасавшими этот братский монастырь от закрытия. Но с падением Сербского царства и прекращением помощи от сербских государей и вельмож Старый Руссик стал замирать, хотя в нем и обитали монахи-греки, среди коих находились и русские люди. Около 1765 года и они, как было указано, оставили пришедшие в крайнюю ветхость старые монастырские стены. Избрав подходящее место на берегу моря, они положили там основание нового монастыря, который впоследствии разросся в обширную и прекрасную обитель во имя святого великомученика и целителя Пантелеимона.

В настоящее время от древнего Руссика осталась лишь знаменитая Саввина башня с прилегающими к ней высокими и древними стенами очень крепкой и высокой кладки, остальные постройки – уже позднейшего времени. Величественный и светлый собор мог бы свободно служить украшением большого монастыря. Вообще, древний Руссик затих, умирает. В убогих кельях старого и мрачного здания доживает свой век несколько ветхих старцев-монахов. Тихо кругом, и лишь временами ветер шумит ветвями столетних деревьев, и в шелесте этом чудится тогда красочный рассказ шамкающего старца о прежнем величии этого святого места. А величественный собор позволяет догадываться о широких замыслах и светлых надеждах благочестивых иноков – надеждах, которые были разбиты неожиданно налетевшим ураганом русской революции, вовсе прекратившим приток паломников из России.

Поклонившись мощам святых угодников в прекрасном храме Старого Руссика, я приятно провел время в осмотре монастыря и дружеской беседе с его милыми насельниками. Древний старец, иеросхимонах Нектарий, сославшись на усталость, вскоре удалился в свою келлию; со мной все время оставались услужливые и любезные: старенький ексхемонах схимонах отец Феофилакт, экононом схимонах отец Виктор и милейший молодой монах отец Флор, с которым мы не разлучались вплоть до нашего отъезда из Руссика. Когда же гостеприимные монахи согласились, наконец, нас отпустить, неожиданно выступил симпатичный схимонах отец Онисифор, монастырский огородник, с просьбой посетить и его. Как было отказаться от сердечного приглашения. И, не садясь на мулашек, мы по дороге свернули и на «владения» отца Онисифора, который после демонстрации своего огорода не преминул предложить гостям скромное монашеское угощение в виде клубники.

* * *

Развлекаемый поучительным разговором отца Илиодора, вскоре я уже двигался на своей мулашке дальше и через полчаса очутился на хребте горы, где заканчивались трудности, связанные с подъемом. И какой чудесный вид был преподнесен нам как бы в награду за усилия, затраченные на первую часть путешествия. Теперь я стоял на горном хребте, оставив в стороне мулашек и моего добрейшего проводника, и не знал, где и на чем остановить

восхищенный взгляд перед открывшимся очарованием. Куда я не устремлял его, всюду сверкало, искрилось и переливалось всеми цветами море, залитое последними лучами клонившегося к закату солнца: с одной стороны простирался архипелаг с разбросанными по нему бесчисленными островами, а с другой – тихо светилась безмятежная гладь залива Монте-Санто. И отсюда же видна была вершина Афонской Горы, казавшаяся теперь как бы вылитой из чистого золота.

Я стоял, как вкопанный, не будучи в силах оторвать глаз от дивной картины... Спокойно присевший около своих мулашек, отец Илиодор как бы прочел мои мысли и сказал:

– Да, это она, наша великая покровительница!.. Воистину Святая Гора... владение Царицы Небесной!.. Посмотришь отсюда, какой ведь близкой она кажется. А на деле выходит до нее каких-нибудь 45–50 километров от этого гребня, не меньше. Больно уж чистый здесь воздух кругом: монастыри и даже каливки наших старцев отсюда также хорошо видны, если присмотреться получше.

Я последовал за указанием моего спутника и вскоре, действительно, стал различать простым глазом то, что он указывал. Мне удалось рассмотреть белые стены храмов и других строений различных обителей, расположенных по склонам горы; заметил и темные пятна калив отшельников, затерявшихся в густых лесных зарослях. Но особенно выделялись золотые купола русских храмов в обителях, уютившихся на горных уступах.

Не помню, сколько времени прошло, пока я, не будучи в силах оторвать глаз от всей этой красоты, безмолвно стоял на лесистом гребне, позабыв о своем проводнике. А отец Илиодор, для которого подобные настроения опекаемых им паломников были, конечно, не новостью, ожидал меня с чисто монашеским смирением и снова заговорил только после того, как мы двинулись в дальнейшую дорогу.

– Теперь уж путь пойдет под гору! – сказал он. – Только здесь будут свои заботы, хотя и не нужно трудиться над подъемом. Зато тропинка каменистая и слишком ухабистая... Нужно по малости двигаться, господин!

Я сошел с флегматичной мулашки и, осторожно ступая, неуверенно зашагал извилистой тропкой. Приходилось задерживаться, нащупывать ногой более надежные и менее скользкие места и думать о сохранении равновесия, чтобы не растянуться на остром щебне. А привычный к этой дороге отец Илиодор, легко переступая с камня на камень и ловко обходя все препятствия, шел впереди; за ним следовали мулашки, после чего все это шествие замыкалось моей скользившей и балансировавшей особой с палкой в руках и походным мешком за плечами.

Зато мое наслаждение окружавшей природой все увеличивалось. Дело в том, что на горном склоне, расстилавшемся за хребтом, растительность становится с каждым шагом все пышнее и роскошнее. А на середине пути между тем же хребтом и восточной подошвой горы путник оказывается окруженным подлинной сказкой флоры. Здесь, на значительной высоте, самый требовательный ботаник найдет множество разнообразных образцов для своих коллекций, начиная от деревьев и растений севера и кончая подобными же представителями полуденных стран. Рядом с нежными маслинными деревьями благоухали хвоей сосны и ели, уживалось трогательное соседство лавра и мирта с ольхой и кленом; в то же время можно было любоваться красотой и смелостью самых причудливых южных растений, обвивавших громадные стволы кедров и вековых дубов.

2

Солнце светило нам прямо в глаза, рассекая ослепительными лучами легкий туман от лесной сырости. А мы медленно всё подвигались вперед, спускаясь с густо заросших предгорий Афона в глубину Карейской долины.

Стезя наша вилась по самым живописным местам. Было тихо в природе и на душе – как вдруг до нас стали долетать звуки радостного перезвона русского Андреевского скита и греческого карейского унылого благовеста. Он сзывал к божественной литургии странное и единственное в мире население не менее странного и также единственного в своем роде монашеского городка – Кареи, столицы этого монашеского царства.

Уже со склонов горы, по которой сбегает тропинка в Карею, открывается прекрасный вид на старую лавру афонскую – Лавру Келлий. Это вид удивительный и оригинальный, соответствующего которому – по характеру населения и своеобразности быта – не найдется во всем мире. Место первоначального жительства безмолвников по странным судьбам афонского иночества сделалось средоточием их вольного и невольного шума. Прежде всего, Карея – город одних мужчин, так как, согласно многовековой традиции, в него не допускается ни одна женщина. Этот городок – административный центр монашеского царства, живописно расположен в северо-восточной части Святой Горы, в трех часах пути от пристани Дафни. Он сосредотачивает в себе светское и духовное управление этого «царства монахов», при весьма небольшом числе светских лиц: греческого губернатора, почтовых чиновников, полицейских и необходимых всему этому светскому элементу торговцев и ремесленников. Но, подобно афонским инокам, и все эти случайные обыватели Кареи живут в безбрачии или имеют семьи «за морем». Весь городок: все дома, келлии и монастырские кунаки – всё это существует и обслуживается только мужскими руками в течение многих столетий.

В Карее всего одна улица (если можно ее так назвать) и несколько узких, кривых переулков. В центре стоит старинный Успенский собор, низкий и ветхий, имеющий плоскую крышу. А вблизи от него, в старой усадьбе – здание Протата; это высшее церковное управление святой Горы, главный и единственный орган, являющийся административным и правовым центром всего Афона; это общее судилище Горы, где разбираются все дела обитателей, а также сношений с Вселенской Патриархией и греческим правительством.

Спустившись с горы и войдя в городок, я сошел с мулатки, по древней афонской традиции, из уважения к святыням Кареи. Продвигаясь по узким и кривым улочкам, я встречал исключительно монашеские фигуры; всюду они безмолвно появлялись и смиренно удалялись, а людей в светском платье почти не было видно: все население Кареи как бы облачено в одну черную монашескую рясу и клобук с наметкой. Зато какими контрастами являлись на всем этом черном монашеском фоне стройные, красивые и яркие фигуры сардаров, охранников Протата. В большинстве случаев, это седые, но крепкие и сильные старики, облаченные в живописный национальный костюм: богато расшитая золотом безрукавка, белая рубаша с пышными рукавами, белые гамаша при синих шароварах и низенькая шапочка с отвисающей кистью.

Отец Илиодор доставил меня в карейский кунак их Пантелеимонова монастыря, прямо к их антипросопу архимандриту Сергию. Гостеприимный старец встретил меня с большим радушием и окружил истинно отеческой заботой, снабдив нужной информацией. Здесь я умылся и отдохнул. Потом, за чашкой чая, долго наслаждался интересной беседой с отцом Сергием, который был культурным человеком и прекрасным монахом. Его жизненно-мудрые суждения, отеческо-поучительные наставления и сердечные утешения на всю жизнь врезались в мою душу, наполнив ее благодарностью к этому прекрасному человеку и примерному монаху.

Главной целью моего путешествия в Карею было выполнение всех формальностей церковного и гражданского управления Святой Горы, которые необходимы для каждого иностранца-паломника, прибывающего на Афон. В полицейском управлении, куда я в сопровождении любезного отца Сергия направился в тот же день, задержали меня не долго. Зарегистрировавшись там, я тотчас же отправился для явки властям духовным. Вслед за моим

любезным спутником я прошел сначала через небольшой дворик, поднялся по старой лестнице и вдруг очутился в светлой галерейке, сплошь застекленной. Здесь нас встретил красочный протатский сардар в живописном костюме. Не без смущения прошел я через открытую дверь в небольшую залу, где вдоль стен стояли низенькие турецкие диваны, на которых чинно и неподвижно восседали почтенные и важные иноки с седыми бородами, а один из них имел золотой наперсный крест на черной рясе.

Как я узнал от своего спутника, все эти важные монахи являлись членами Священной Эпистасии, а у стены, на особом возвышении, и сам председатель этой редкой коллегии – протоэпистат, проигумен отец Панкратий, представитель греческого монастыря Ватопеда.

Отец Сергей легким кивком головы предложил мне следовать за собой. Но я уже ранее получил от него соответствующие указания и точно знал, что мне надлежало делать, согласно ритуалу, веками установленному на Святой Горе. Подойдя к восседавшему на троне протоэпистату, я попросил у этого почтенного старца благословение и поцеловал благословлявшую меня десницу. Затем направился приветствовать всех эпистатов, но благословения у них не просил и их десниц не целовал, следуя точно ранее полученным указаниям. Я только, почтительно склонившись, пожал руку каждого из них, а затем, отвесив общий поклон, отошел в сторону в ожидании продолжения этого своеобразного и традиционного восточного приема.

Протоэпистат по-гречески сказал несколько слов сидевшим на диванах у стен своим собратьям и, получив их согласие, любезно пригласил меня сесть. Вслед затем сопровождавший меня архимандрит-антипросоп отец Сергей вручил секретарю привезенный мной пакет с рекомендациями Вселенского Патриарха и Элладского архиепископа, ознакомление с которыми членов Священной Эпистасии производится в обстановке особой торжественности. Секретарь приложил деревянный нож к краю патриаршего конверта и вслед затем почтительно передал его, вместе с ножом, протоэпистату. Последний торжественно разрезал конверт, вынул из него послание Патриарха и передал секретарю для прочтения во всеуслышание. Последний и выполнил это поручение с неменьшей торжественностью.

Прослушав патриаршее послание, эпистаты сначала вполголоса о чем-то посовещались между собой, причем я отлично понимал, что все это делается лишь для выполнения традиционной важности. Было ясно, что все эти полные благолепной важности старцы питают добрые чувства к их новому гостю, каковым явился я, не без смущения ожидавший конца всей этой глубоко поучительной церемонии. Но спустя минуту-другую она уже подошла к концу, и протоэпистат, преподав указания секретарю, направил его в канцелярию для составления соответствующей бумаги. Меня же тем временем любезно усадили на диван, после чего все старцы один за другим в весьма любезной форме начали задавать мне разнообразные вопросы, касавшиеся моей личности, деятельности, тех мест, откуда я прибыл на Афон, и проч. Во время этой моей беседы со старцами передо мной неожиданно выросла громадная и живописная фигура протатского сардара, подносившего традиционное восточное угощение – глико с водой, к каковым через несколько минут присоединилось и ароматное кофе.

Не прошло и четверти часа, как секретарь возвратился, принес с собой какую-то бумагу, которую он тотчас же вполголоса и прочел всем членам высокого собрания. Старцы одобрительно закивали головами, очевидно, вполне соглашаясь с содержанием прочитанного документа. Затем последовало нечто еще более интересное. Почтенные эпистаты, вынув из недр своих монашеских ряс какие-то маленькие предметы, важно вручили их секретарю: это были четыре части большой печати, прилагаемой к бумагам, исходящим из Протата. Секретарь ловко сложил печать и приложил ее к принесенному документу. Вслед затем печать оказалась вновь разобранной и ее части возвращены старцам. А бумагу секретарь вручил проигумену отцу Панкратию, после чего подошел ко мне для последней фор-

мальности: я должен был вручить ему сто драхм протатского налога, взимаемого со всех паломников Святой Горы. После этого сидевший на троне протоэпистат торжественно вручил мне документ с печатью, оказавшийся грамотой Протата ко всем афонским обителям. В ней предлагалось всем настоятелям иноческих поселений Святой Горы принимать меня как желанного гостя, рекомендованного Вселенским Патриархом и Элладским митрополитом, и оказывать мне всяческое содействие при моих паломничествах и научных работах.

Низко поклонившись высокому собранию благочестивых старцев, я поблагодарил их, испросив разрешение сфотографировать почтенное собрание. Затем, приняв благословение от протоэпистата и распрощавшись с остальными старцами и секретарем, я покинул зал Протата в сопровождении отца Сергия и сардара.

Андреевский скит

1

Солнце уже клонилось к закату, когда мы остановились у порты (врат) русского скита Св. Андрея Первозванного. Расположен он по соседству с Кареей, административным центром Афона, на прекрасном участке восточного склона горы, на земле греческого монастыря Ватопеда.

Свято-Андреевский скит, или, как его называют издавна, Серай, живописно стоит среди пирамидальных кипарисов и раскидистых кедров. Он был основан в XVII веке (первоначально в виде келлии) Вселенским Патриархом Афанасием, впоследствии умершем в России в Лубенском монастыре Полтавской губернии и там нетленно почивавшем вплоть до революции. А спустя сто лет другой Вселенский Патриарх, по имени Серафим, тоже сильно возлюбил эту келлию и расширил ее; после этого, подобно своему предшественнику, уехал в далекую Россию, чтобы почтить в том же Лубенском монастыре, на Украине. Но окончательно закрепилась за русскими эта прекрасная келлия только в середине XIX века, когда в 1841 году она была приобретена в собственность русскими подвижниками Виссарионом в Варсонофием. А затем, по ходатайству влиятельного русского ученого и путешественника по Востоку А. Н. Муравьева, ее переименовали в скит.

* * *

Еще у порты скита я был очарован любезностью эконома обители, отца Акакия, вышедшего навстречу моему маленькому каравану. Тотчас же он проводил меня на фондарики и передал радушному отцу Иову, гостиннику этой обители. Не прошло и нескольких минут, как мои вещи принесены были в мою комнату, а я, умывшись и переодевшись, прошел в архондарик¹¹ и с интересом занялся рассматриванием замечательных портретов царей, иерархов и вельмож великой России. Но уже вскоре мое любопытство прервал добродушный отец Иов, гостинник:

– Успеете еще рассмотреть наши картины. А вот теперь пожалуйста в столовую: с дороги надо чайку попить.

И я с удовольствием принялся за «чаек», поданный в больших чайниках на рписном подносе. Милые атрибуты незабвенных времен, полные своеобразной простоты... От них так и повеяло на меня нашими ярмарками, московскими чайными и монастырскими гостиницами у Троицы-Сергия, Почаева или на берегах Волги и Оки.

– Может, проследуете теперь к отцу игумену? – спросил отец Иов, убедившись в том, что я уже вполне удовлетворился чаепитием. – Он будет рад побеседовать с вами.

И спустя несколько минут я уже находился в обществе архимандрита отца Митрофана, игумена и главы Андреевского скита. Этот спокойный и вдумчивый инок с лицом аскета сразу произвел на меня неизгладимое впечатление, как своим внешним видом, так и глубоким внутренним содержанием, обнаруженным почти с первых фраз. Это был типичный монах аскетического склада: высок ростом, худощав и сух, что, несомненно, являлось следствием его воздержанной и постнической жизни; сухощавое лицо озаряли умные и пронзительные глаза. Он был духовно начитан и обладал способностью понимать самые отвлеченные

¹¹ Помещение для почетных гостей.

ченные богословские сочинения. Поэтому после нашей беседы я уходил под обаянием этого редкого человека и духовного руководителя.

* * *

Вечером того же дня неожиданно я познакомился с двумя мирянами, прибывшими на Афон для научных изысканий в области миниатюр древних рукописных книг. Это были два ученых немца – оба люди вдумчивые, солидные и преклонявшиеся перед силой духовных ценностей православной горы. Мы уселись на балконе, откуда открывался чудный вид на окрестности. Лунные блики скользили по склонам, покрытым густой растительностью. Из них выглядывали очертания многочисленных келлий и калив, прятавшихся среди виноградников или в кущах орешника и смешанного леса. А с другой стороны тихо светилась безмятежная поверхность Эгейского моря с его островами.

В оживленном разговоре мы засиделись до позднего вечера. Свежая зелень благоухала особенным, чуть горьковатым запахом, и кругом была такая благодатная тишина, что мы невольно умолкли. И в этой успокаивающей тишине едва лишь доносился мелодичный звон колокольчиков пасущихся овец. Эта мелодичность является характерной для здешних стад, ибо колокольчики особенно искусно подбираются и производят ночью чарующее впечатление.

В скиту Св. Андрея

– Мы должны встать до рассвета, – сказал один из немцев своему коллеге. – Было бы непростительным с нашей стороны преступлением не видеть отсюда восхода солнца из эгейских волн. Вероятно, это божественно по своему величию.

И немец был прав. Как меня ни удерживал Морфей на моем гостиничном ложе после утомительного дня, все же мне удалось вместе с немцами наблюдать восхитительную картину, о которой они говорили накануне. Ранним утром с террасы тихого приюта православной молитвенности на Афоне я наблюдал восход этого изумительного «эгейского солнца». И, конечно, только могу пожалеть, что со мной вместе не находились те, кому суждено читать эти мои строки. Кажется мне, что благодаря только одному этому виду с террасы Свято-Андреевского скита, он с полным правом может носить древнее название «Серай»

– той скромной греческой келлии, на месте которой теперь разбросались величественные постройки живописного русского скита.

С громадным интересом и замиранием сердца ожидали мы восхода солнца. Но вот, как громадный – сперва красный, а потом золотой – шар, медленно показалось оно из-за острова Имброса, на мгновение задержалось и вдруг своим могучим ослепительным светом озарило все вокруг. И на минуту все живое невольно замерло от восторга, прославляя Создателя Вселенной... С террасы было видно, как блестели в ярких лучах солнца золоченые главы и кресты разбросанных по всей горе храмов. Было видно, как далеко-далеко, в синеющую даль уходила, серебрясь на солнце, извилистая лента глади морской. А кругом все цвело, улыбалось и пело. И вдруг, в эту нежную восторженную музыку весеннего утра ворвались брошенные невидимой человеческой рукой с высокой колокольни многогласные звуки благовеста. Ранняя монастырская служба начиналась.

2

В Андреевском скиту я застал партию паломников, которые вышли раньше нас из Пантелеимоновского монастыря с проводником. Эти паломники уже побывали в некоторых карейских келлиях и подворьях, затем направились к празднику в Андреевский скит, чтобы отсюда потом паломничать на вершину Афона.

К всенощному бдению зазвонили в восемь часов вечера. Особый уклад афонской жизни и богослужения прославили Святую Гору и возвысили ее на недостижимую высоту в глазах всего христианского мира. Даже в глазах поработителей своих, турок, насельники Афона издревле стяжали уважение и благоговейное преклонение пред их великими подвигами.

Кто не побывал на Святой Горе в пору расцвета ее и многомонашества, тому затруднительно представить себе тогдашний особенный уклад афонского быта. Отсюда совершенно удалена была суэта мирская; здесь мысль человеческая была здорова, свежа и светла. И вот эти питомцы земного удела Богоматери – келиоты, каливиты и сиромахи – из глубоких пустынь пришли теперь под своды храма, чтобы едиными устами и единым сердцем славить Господа и слиться со всем скитским братством и паломниками во всенощной молитве. В эту ночь все афонские православные разных наций неразрывно слились в священное единое собрание для молитвенного прославления Троицкого Бога и покровителя скита, святого апостола Андрея.

Из моей памяти никогда не изгладится это богослужение. Не многочислен был хор, но замечательное исполнение, прекрасна сама мелодия. Не было крикливости многих наших церковных хоров – пение спокойное, плавное. Нечто величественное и вместе с тем плачевно-заунывное, проникающее в душу несло с клиросов. В глубине души это пение вызывает покаянные движения, окрыляет мысль и уму открывает дверь к таинственным созерцаниям, дает умиление, радость.

Вот какое настроение, какие чувства невольно вызываются афонским богослужением.

Русский монашеский хор пел на великой ектении греческое «Кирие элейсон» (Господи, помилуй) – и пел так, что если бы всю ночь продолжалось это, то не утомило бы слушать. Говорят, что в пении нельзя придать такой выразительности русскому слову «помилуй», как греческому «элейсон»...

До шестопсалмия, начинающегося около двенадцати часов ночи, разрешалось поддерживать в кубе кипяток и пользоваться им для утоления жажды. Один монах, дав мне щепотку чаю и кусок сахара, направил меня в особое помещение. Около громаднейшего куба поленища дров: она служит вместо стола, а дрова, раскиданные тут, вместо стульев. Около окна

и на полу, сидя и стоя, торопливо пили кипяток сиромahi и пустынники. И – о, удивление – один сиромah вдруг назвал меня по имени. Я удивленно посмотрел на него.

– Помните, мы с вами вместе были в экскурсии из Ялты в горы?

И я, действительно, припомнил молодого тогда и хорошо одетого человека, который путешествовал по всей России и святым местам. Потом он был, как выяснилось, на хорошей службе. Но от всего отказался, поехал в Святую Землю, потом на Афон – и вот теперь смиренным иноком проживал в пустыньке с одним старцем-иеросхимником... Заговорившись, мы вышли последними. В храме читал шестопсалмие старший иеромонах при тусклом свете лампады.

Многие русские не знают, что удлинняет всенощные бдения на Святой Афонской Горе. Исполнительность, неторопливость, долгое чтение синодика на литии и сугубых ектениях; пред шестопсалмием, между кафизмами и по шестой песни канона читаются длинные святоотеческие поучения.

Бдение кончилось в седьмом часу утра. Ранняя литургия была в церкви святителя Иннокентия. Звон к поздней литургии начался в восемь часов утра. Позднюю литургию, как и всенощное бдение, служил священноархимандрит, настоятель скита, с множеством иеромонахов и иеродиаконов. В конце литургии был отслужен положенный молебен.

По окончании богослужения на открытом дворе на низких длинных столах был приготовлен обед для всех пришедших на праздник бедных сиромah и рабочих. Братская трапезная всех вместить не могла.

* * *

Проживая в те времена продолжительное время в Андреевском скиту, можно было заметить, что скитская жизнь – сравнительно с жизнью в монастыре Св. Пантелеимона – полегче. Богослужение хотя и производило сильное впечатление, но продолжительность его уступала продолжительности в Пантелеимоновском монастыре. При меньшем числе братии (около 550–600 человек) и трапеза улучшена: ежедневно, кроме Великого поста, бывала два раза; кипяток без ограничения.

В скиту пророка Илии

Широкоплечий и крепкий среднего роста, с улыбающимся лицом и умными глазами, он встретил меня в приемной зале для гостей. И вдруг на меня пахнуло чем-то родным, уютным и детски близким. Я почувствовал себя там, у себя – и не только в России, но на просторах родных полтавских и черниговских полей, среди их хуторов, высокой конопли и волнующейся пшеницы... Это был игумен Свято-Ильинского скита, архимандрит отец Иоанн. Он – игумен «по традиции», ибо скит, по той же традиции – украинский, запорожский. Больше двухсот лет тому назад основан был этот скит блаженным старцем Паисием Величковским – кореным украинцем, знаменитым переводчиком святоотеческих писаний с греческого языка на русский. Вот с тех пор и пошел обычай принимать в эту прекрасную обитель по преимуществу уроженцев южнороссийских губерний, которые и составляли значительное большинство братии до печальных лет российской разрухи.

На долю Ильинского скита выпало большое счастье считать своим основателем великого старца, достойного удивления по его высокой духовной жизни, подвигам и трудам. И он дал этому скиту своеобразный отпечаток – простоватой ласковости и христианской кротости. В ранней молодости инок Платон, снедаемый жаждой пустыни, безмолвия и уединения, покинул родную Украину и отправился в Валахию, где в то время процветало монашество. Но вскоре душа его возжелала совершенного уединения от людей и от мирских соблазнов, и, наслышавшись о Святой Горе Афонской, он отправился туда. Здесь принял постриг в мантийные монахи с наречением Паисием. Когда спустя несколько лет собралось вокруг смиренного Паисия целое братство, он испросил у греческого монастыря Пандократора необитаемую и ветхую келлию во имя пророка Илии; но вскоре на месте этой келлии основал уже скит.

Своей подвижнической жизнью, трудолюбием, смирением и любовью ко всем он прославился по всей Святой Горе и был в великом у всех уважении. Но не долго, однако, суждено было этому светильнику светить на Афоне и согревать души ищущих спасения. С увеличением братства стало невозможным содержание его, и, забрав с собой шестьдесят четыре инок, отец Паисий отправился в Валахию, где получил большой монастырь. По уходе его скит Св. Илии преимущественно пополнялся черноморскими казаками, которые, разновременно приходя на Святую Гору, селились в нем. Но, не вмещаясь внутри скита, монахи начали устраивать себе келлии вне его. А средства для жизни иноков и содержания храмов получались из доходов от рыбной ловли на реке Дунае и от пожертвований Черноморского войска. Во время греческого восстания 1820–1821 года на Афон нахлынули турки и разорили Ильинский скит, братия которого разбежалась и частью спасалась в России. Только в 1830 году монахи снова водворились в родном скиту и приложили много усилий, чтобы привести его в прежнее состояние. Но со времени этого нового поселения братии на Афоне и восстановления скита черноморцы больше уже не поступали в этот скит, а определялись туда лишь русские или запорожские казаки, состоявшие в подданстве Турции. В это тяжелое время, когда скит восставал из развалин и нуждался в помощи, туда явился замечательный человек, выдающийся ктитор и благодетель, иеромонах Аникита, в миру князь Ширинский-Шихматов.

В Свято-Ильинском скиту

Но полного процветания скит достиг лишь при старце Паисии втором. Этот трудолюбивый настоятель перестроил весь скит и к 1850 году закончил большой план своих работ. Число иноков снова стало умножаться, и вскоре уже опять недоставало помещений для вновь поступающих. И потому отец Паисий воздвиг еще один корпус, в котором устроил и две церкви. Жертвенные благодетели из России помогли скиту устроить величественный собор и в то же время удовлетворить все потребности обители. И все это довело ее до того цветущего состояния, которое она обрела накануне Первой мировой войны, когда представляла собой огромную и благолепную общежительную обитель. В это время скит имел уже свои обширные подворья в Одессе и Константинополе.

Предание гласит, что знаменитый подвижник и основатель Свято-Ильинского скита великий старец Паисий был человеком, сеявшим вокруг себя семена христианской кротости и необыкновенной доброты. Его простодушная ласковость согревала каждого, кто имел радость с ним встретиться. По всей вероятности, от него и перешла по традиции та же ласковость и теплота ко всем его последователям, населявшим Ильинский скит.

Этот скит расположен на северо-восточном склоне Афонской Горы, на холме, весьма красивом и живописном, но пустынном. С трех сторон он окружен высокими горными склонами, покрытыми вечной зеленью лесов и кустарников. И только с восточной стороны он совершенно открыт, представляя великолепный вид на море с лежащими вдали на голубой глади вод темными пятнами островов. Это – Тассо, Имбро и Самофраки, а также обширный остров Лемнос, наполовину скрытый за голубым туманом. За тем же туманом, но еще более густым и уже молочно-белым, едва виднеется на северо-востоке снежная заоблачная цепь гор Македонии. А там – высоко в лесной чаще, что к северо-востоку от Ильинского скита, – едва виднеется небольшой болгарский скит Ксилургу. В древние времена и он принадлежал русским монахам. Значительно ниже, на расстоянии получаса хода от скита Св. Илии, красуется древний греческий монастырь Пандократор, обнесенный высокой стеной, с еще более высокими башнями. Издали это не монастырь в современном представлении, а скорее полный средневекового величия замок.

От Ильинского скита до Карей два часа ходьбы, а до моря – полчаса. Скит удален от дороги, вблизи его нет жилья. И потому здесь постоянная тишина и безмолвие, много способствующие инокам проводить жизнь сосредоточенную и нерассеянную. В этом тихом

скиту я провел незабвенных две недели, занимаясь в библиотеке и душой отдыхая в беседах со своими новыми друзьями. Но самым сильным воспоминанием является радостная память о церковных службах в этой обители. Помимо ежедневных служб я имел счастье встретить здесь и один из особо чтимых двенадесятых праздников, когда все службы отличаются особой торжественностью. Но всенощное бдение здесь, на Афоне, все же выделяется своей красотой, славой и своеобразием.

Накануне праздника часов в пять ударили в било. И этот стук возобновляли три раза в течение получаса. Потом ударили в большой колокол, а за благовестом последовал и трезвон. Приятно удивило меня в храме и привлекло внимание, когда прекратилось чтение псалма и часть стихов его стали петь попеременно оба хора. Пение это невольно вливало религиозную бодрость. А когда совсем стемнело, величественный собор начал освещаться в разных местах лампадами и свечами; после одиннадцати часов началось бдение, весьма утомительное для непривычного паломника. Утомительное, но в то же время следует признать, что молитвенное чувство не только не ослаблялось в течение продолжительного бдения, а даже, наоборот – все возрастало.

Плавные, точно воздушные экклезиархи, полупевучее чтение почтенными старцами, таинственный полумрак храма и мерцающие пахучие свечи из чистого воска – все это создавало особое и проникновенное настроение. А между важнейшими моментами бдения те же неслышные экклезиархи погружали собор в еще больший мрак. И тогда мерцали лишь лампочки у канонархов и лампы у чудотворной иконы. Впечатление глубокое и неизгладимое в душе моей оставило чудное пение. Кто имел счастье слышать это пение и видеть стройность, чинность и благоговейность афонского богослужения, тот не может не восторгаться им. Я и теперь как бы еще слышу эти чистые высокие голоса – свободные и естественные, неспешное, благоговейное внимание хора к словам канонарха, это ловимое сердцем и износимое из сердца, как хвала или как молитва, повторение их... Пение и чтение отличалось точностью, правильностью и выразительностью исключительной.

Утренняя окончилась только после четырех часов утра. Перед началом праздничной литургии был один только трезвон. Огромный собор сиял светом, а богослужение наполняло душу высокой радостью, принятию которой, конечно, немало содействовало минувшее бдение, отстранившее от мыслей и сердца ненужные впечатления. Нарядные облачения, чинное и благолепное хождение, торжественные выходы духовенства – это все усиливало незабываемое впечатление.

* * *

С чувством покоя в душе покидал я этот тихий скит, сердечно провожаемый отцом игуменом и свободными от послушания иноками, среди которых особенной любовью меня окружали верные друзья и земляки-монахи отец Рафаил и отец Петр. На прощание все мы снова говорили о родине нашей и о великих испытаниях, выпавших на ее долю. Говорили о великом зле, которое так победоносно разгуливало по земным просторам, взрастившим и вскормившим большинство братьев скита. Вспоминали свою прекрасную родину старцы афонские с любовью, по-своему, по-монашески: без ненависти и злобы против кого-либо.

– Нехай все буде так. Тильки прийде цей велький день, прийде Воскресение! – спокойно сказал один из моих провожатых, старый инок из моего же уезда.

И видно было, что в пришествие этого великого дня непоколебимо твердо верил старый инок из уроженцев Полтавской губернии и все его братья во главе с отцом игуменом.

Паломничество по святой горе

Нас было тогда трое русских и один серб. Вышли мы из нашего славного монастыря в продолжительное паломничество по афонским обителям. И прежде всего начали восходить на крутизны узкой, необработанной тропинкой по направлению к северо-западу через Ксеноф, Зограф; перебрались через хребет горы на северную оконечность ее в Хиландарскую сербскую Лавру. А оттуда косогором северо-восточного кряжа через греческий Ватопед и Ксилургу – в Карею. Спустившись к Иверу и Климентовой пристани, мы прошли этой стороной среди обрывистых диких скал к вершине. Посещали келлии и каливы; к сожалению, не долго в них задерживались, хотя было много интересного, дотоле невиданного и неслышанного.

Но сколько нам пришлось преодолеть трудностей в пути по Афону! Невольно вспоминались легкость паломничеств по обителям родной земли... Часто случалось нам влезать на высокую и крутую гору, то проходить по крутому склону или ползти по гряде мрамора с великой осторожностью. Часто случалось пробираться на гору по колючему и густому кустарнику, который цеплялся за одежду и препятствовал ходу, а под ногами – пропасть. Но самые большие опасности в пути представляет местность на южной оконечности главной горы, начиная от Лавры Св. Афанасия до Дионисиата и на вершину шпиля, особенно в осеннее время, когда там появляется снег.

Вследствие таких затруднительных путей неоднократно приходилось роптать на насельников Святой Горы, особенно в первые дни нашего паломничества. Неудобство пути мы приписывали нерадению монахов: много сот лет, думалось нам, живут они среди таких непроходимых мест, а не поправят для себя дороги. Но когда мы прошли эти пути и посетили дивные обители главных пустынножителей Афона, то при виде их бытового положения у нас взамен ропота невольно появлялось сожаление и раскаяние в своем ропоте на неудобства путей сообщения на Святой Горе.

Любопытная представлялась нам картина, когда мы смотрели с высот холмов. Всюду множество прекрасных строений и мелких хижин, расположенных на разных высотах и уступах горы. Одни из них царят, раскинувшись среди очаровательной местности, а около них, по их владениям гнездится множество скромных жилищ. Есть, впрочем, из них и добрые постройки, расположенные на откупных клочках земли, приобретенных у богатых господарей. Там и здесь видны были сгруппированные здания, благоустройством похожие на первые, но далеко уступавшие им своей бедностью. А рядом с ними, по тем же оврагам и ущельям Святой Горы, видны были убежища горемык земли, которые ютились в хижинах, шалашиках, пещерках и расселинах скал.

Особенно трогательное зрелище расстилается перед взором паломника при выходе из Ильинского скита на Царскую дорогу, которая извилисто ведет от перешейка вдоль узкого хребта до самой главной вершины, местами лесом, а местами кряжем. Отсюда открывается великолепный вид на обширную долину, которую называют Капсал, или что тоже можно было назвать русской колонией, подобно древней Фиваиде, потому что большая часть пустынножителей, заселивших ее, были наши земляки, русские. Капсальская пустыня и кругом прилегающие к ней местности, по юдолиям и ущельям, исключительно была покрыта келлиями русских подвижников с маленькими крестами над их храмами.

На востоке, в недалеком расстоянии манит к себе путника одно из обширных и заметных зданий – скит Андреевский, а за ним, вдоль берега моря, ряд больших точек – угрюмых и обветшалых греческих монастырей. Впереди на живописном склоне, среди густой рощи и виноградников возвышается пустынная русская обитель – келлия Св. Иоанна Златоустого, с прекрасным собором.

Лавра святого Афанасия

Вокруг главной вершины горы, по ее отвесным и обнаженным оврагам, нет вблизи монастырей – там имеются лишь бедные и бесприютные пустыnnики, отшельники и сиромехи. Особливо достопамятны здесь для странника своим местоположением и строгостью жизни были подвижнические келлии скитов: Кавсакаливского, Кераси, Каруля, Св. Анны, Богородицы, и другие, расположенные на диких отрогах и в расселинах скал южной или юго-восточной оконечности Святой Горы. И только на северо-восток от них, на плодородной равнине, величаво красуется Лавра Св. Афанасия с одной стороны, а с другой – монастыри: Св. Павла и Дионисиат. Более десяти веков бесспорных (а по преданиям отеческим и более) иноки афонские неустанно трудились в деле сооружения новых строений, исправляя ветхость и древность святых обителей и храмов, умножая в них ревность своего благоукрашения. Поэтому неудивительно, что памятники живописного художественного дела скопились на Святой Горе от многих времен в количестве неисчислимом; но и самое древнее ее зодчество сохранилось нерушимо. В самом деле, если сочтем, сколько веков пронеслось над Афоном с того времени, как сподобилась Святая Гора посещения Матери Господа, и помыслим о том, сколько венценосцев – начав с Константина Равноапостольного, Феодосия, Пульхерии, Алексия, Аркадия и др. – воздвигали здесь разного рода иноческие обители и храмы, то великое число памятников художественного строения станет нам понятно.

В X веке Афон уже славился на всем Востоке святостью своих обитателей и служил цветущим вертоградом иноческого жития. Древние хартии на м передают, как царственный сын Павел Ксеропота минт (сын императора Михаила Рангавия) и отпрыск благородного древа (византийского дома) Афанасий, приняв ангельский образ, основал здесь стройное единение между пустыnnиками и отшельниками Святой Горы. Слава подвигов преподобного Афанасия, устроившего пустынную келлию во имя святого Иоанна Предтечи, особенно влекла к нему отовсюду учеников: из Рима, Италии, Грузии, Болгарии и даже далекой России. Многие настоятели знатных монастырей, даже епископы, приходили в его обитель и предавали себя руководству святого старца.

Лавра Св. Афанасия – изумительное произведение X века на Святой Горе, имеющая первенствующее значение в Церкви Царьградского Патриархата. Она воздвигнута в 961 году самим святым Афанасием и стоит в той красивой местности, где дотоле им устроена была в Меланах малая обитель, т. е. пустынная келлия в честь святого Иоанна Предтечи. Она расположена у подошвы восточной стороны громадного отрога Дифона, спустившегося почти от самого верха к заливу Контессо и в непосредственной близости к ней отвесно остановившегося. Область лаврских владений весьма велика: ей принадлежит вся южная оконечность и вершина горы, все подафонье со скитами: Молдавским, Кавсокаливским, Керасейским, Карульским, Аннинским. Так что на всей земле ее расположено было больше 180 подвижнических церквей.

Самая же группа фундаментальных зданий Лавры – среди столь обширного владения и окружающих ее масличных, ореховых, кипарисовых, каштановых, померанцевых и других плодовых деревьев и виноградных лоз – представляется огромным замком со множеством башен и бойниц, в числе которых особенно величаво стоит башня, построенная греческим царем Иоанном Цимисхием. Этот доблестный император, воевавший с русским князем Святославом, благодетельствовал Лавру богатыми сокровищами, обстроил и укрепил ее так, что удивил ей всю Святую Гору и вызвал неудовольствие в святогорцах. Но и негодование их было более всего на преподобного Афанасия, за то что он допустил соорудить великолепнейший монастырь в своей пустыни и тем нарушил безмолвие иночествующих, разорил древние уставы отцов пустынного подвижничества. Дело перенесено было в Константино-

поль на суд императора, который вызвал святого Афанасия в столицу и, убедившись в личных его достоинствах, облагодетельствовал его и принял участие в устройении монастыря. Святогорцы просили прощения у святого старца и по примеру его Лавры начали устраивать свои монастыри.

Лавра имеет форму четырехугольника, стены ее в 20–25 метров высоты, и занимает она огромное пространство, разделяясь на две части: на внутренний и внешний двор. Во внутреннем дворе находится вся достопримечательность X века, принадлежащая исключительно самому основателю Лавры: соборный храм, трапезная, больница, странноприимница и все, что нужно было ему для пустынного обще-жительства по строгому уставу. Но в настоящее время Лавра отступила от строгих правил святого Афанасия, и, несмотря на свое огромное богатство, число братства ее не велико, исключительно греческое.

Главный соборный храм, служащий украшением Лавры, весь сложен из дикого камня и увенчан тремя главами с большими крестами; под обрушившимся алтарем этого храма скончался основатель его с шестью мастерами-строителями. Огромный купол покоится на четырех сводах, опирающихся на массивные каменные устои, и украшается трехъярусным хоросом-люстрой и множеством четырехконечных крестов, висящих в виде кадил на сводах храма. Алтарь разделяется на три части, стены его обложены блестящими плитами голубого фаянса, а вокруг – прекрасной резьбы стасидии. Помост испещрен драгоценным разноцветным мрамором. Во всем храме 37 мраморных столбов, окон 70, врат 12, длина его около 60 метров, а ширина – 62. Стены и своды его украшены символическими изображениями, двери двухъярусного иконостаса и кафедра игумена сияют перламутром.

Между святынями Лавры особенно замечательна часть Животворящего Древа, заделанная в крест, украшенный драгоценными жемчугами и сохраняемый в золотом ковчеге, как дар святому Афанасию императора Никифора Фоки. Святые мощи хранятся в двенадцати ящиках алтарного шкафа, соответственно двенадцати месяцам года, в которые чтится их память. В приделе Сорока мучеников находится гробница святого Афанасия. Под сению двух девятисотлетних кипарисов на восьми мраморных столбах возвышается крещальня, увенчанная куполом, внутри расписанным священными изображениями.

Таким образом, бури и грозы житейские, которые пагубно пронесли над многими обителями и храмами Востока, почти не коснулись мирного афонского вертограда иноческой жизни в течение многих веков. И только ныне свалились на святогорские обители скорби великие по причинам, о которых речь будет в дальнейшем.

Крестовская келлия

Трудный переход был окончен, и мы, немного еще проплутав по соседним греческим келлиям, очутились у цели нашего очередного путешествия – в Крестовской келлии, где были радушно встречены старцем отцом Лотом и наместником его – отцом Филаретом.

Солнце уже перевалило за полдень, когда мы очутились в их обществе, причем каждый из братии спешил окружить нас самыми искренними заботами и вниманием. В тот день Крестовская келлия начинала празднование кануна своего храмового праздника, падающего, как известно, на 14 сентября старого стиля. У нас на родине этот полуосенний день обычно бывал окружен особым ландшафтом в виде широко расстилающихся повсюду опустевших полей, начинающих желтеть деревьев и стоящего над всем этим сентябрьского неба, успевшего утратить очарование летней безмятежности и голубизны. Здесь, на Афоне, в двух шагах от южного моря, этот сентябрьский день ничем не отличался по своему великолепию и силе солнца от июньских и июльских дней: кругом все та же пышная красота и неизменная прелесть голубых небес над головой.

Умывшись с дороги и получив любезно предложенный мне чай, уселся я у открытого окна, выходящего на морскую ширь, простиравшуюся за зелеными кущами рощ и садов, окружавших эту дивную келлию. И опять перед моими глазами была чудесная картина могучей природы, со сверкавшей гладью моря, золотисто-изумрудной листвой великанов растительного царства и строгими свечами уходивших ввысь темных кипарисов. Осторожно вошел отец наместник Филарет – живой, улыбающийся, весь сиявший нездешней радостью бытия, какую только и можно наблюдать у истинных иноков. А из дальнейшего разговора я убедился еще и в том, что у отца наместника была чуткая душа поэта, еще более чистая и возвышенная, благодаря строгой монашеской жизни и полнейшему отделению от мирской суеты.

– Вы уж извините, дорогой гость, но сегодня у нас большие хлопоты и гости. Приходится то и дело отлучаться! – ласково проговорил отец Филарет, с улыбкой смотря на меня чистыми и добрыми глазами. – Ничего нельзя поделаться: храмовой праздник. Со всех сторон сходятся к нам соседи-келлиоты, сиромахи, странники... Но и вам интересно будет взглянуть на такое собрание: нигде, кроме Афона, не придется вам наблюдать этих воистину Господних людей. А нам нельзя не угостить их, нельзя не приютить на свой праздник во имя Божье!.. Вас же просим посетить наше вечернее бдение.

Отец Филарет скромно поклонился и вышел из келийки, а я остался у окна, продолжая любоваться расстилавшимися передо мной красотами. Этим, впрочем, пришлось мне заниматься недолго. Где-то совсем близко внезапно раздался сухой и характерный звук удара по сухому дереву – звонкий, приятный и в то же время какой-то настойчивый и упорный. Это ударили в традиционное монашеское било, почти исчезнувшее за последние века в монастырях России, но еще сохранившееся в обителях Афона и частично Балканских стран. И удивительно искусно ударял в это било невидимый мне инок, по-видимому, в совершенстве постигший своеобразную тонкость этого своего послушания. Стуки в било раздавались сначала с большими перерывами, заставляя ухо подолгу выжидать следующего удара, но затем они переходили в настоящую дробь, то мелодично повышавшуюся в своей силе, то постепенно ниспадавшую до подлинного деревянного «шепота», постепенно замиравшего и заканчивавшегося полным молчанием. Но последнее оказывалось только временным: проходили минуты, и умершие, казалось, звуки вновь воскресали с торжествующей живостью и силой. Так повторялось три раза. Затем, вслед за последней остановкой била, раздался удар в большой колокол, за которым вскоре начался перезвон, призывавший к вечернему богослужению.

Не прошло и нескольких минут, как раздался стук в мою дверь: за мной пришел посланный от наместника добродушнейший отец Исая. Ему было поручено проводить меня в храм, где уже началось торжественное богослужение. И уже через несколько минут я с ним вошел в полутемную церковь, переполненную молящимися и по-праздничному украшенную зеленью; пол тоже был посыпан ей в изобилии.

Совсем необычное впечатление производила толпа богомольцев, наполнявшая небольшой храм: все это были монахи разного возраста. Но в то же время не были эти иноки похожи и на братию одной и той же обители, подобно тому, как это приходится наблюдать в монастырях. В толпе «гостей» Крестовской обители можно было видеть разнообразных монахов-странников, едва прикрытых обветшавшими от времени рясами, обутых в самодельную, сильно поношенную обувь и чуть ли не по самые глаза обросших густыми волосами. Это были странники-сиромаси, которые десятками лет ведут на Афоне скитальческую жизнь, вечно паломничая от одной обители до другой, живя подаянием и не принадлежа ни к какому определенному братству.

– Сиромаси точны, как календарь, и твердо знают, когда и в какой обители престольный праздник, – пояснил мне отец Исая. – Помолятся они на торжестве, покормятся, а там, глядишь, снова идут куда-нибудь в противоположный край Афона, чтобы поспеть на новый праздник, к новым милостям. Так и живут они всю жизнь свою на Святой Горе, и у, право, как птицы небесные. Порой и не знаешь, где и как умирает такой сиромас. Бывает, что и в лесных дебрях отдает Господу душу свою...

Было 6 часов вечера, когда началась всенощная. Афонское бдение под храмовый праздник – это нечто особенное, производящее неизгладимое впечатление и требующее от непривычного человека большого запаса сил и выдержки. Обыкновенно такое бдение продолжается 8–9 часов, после чего почти немедленно совершается ранняя литургия. Таким образом, вся предпраздничная служба поглощает до 12 часов. Эти долгие службы я выставлял довольно бодро и без особого утомления; обычно не присаживался в стасидии, что разрешается в известные моменты и монахам. И в этот раз, невзирая на утомление от многочасового пути и томительной жары, я, хорошо освежившись холодной водой, как-то прибодрился и весь был исполнен духовной свежести и силы. Всю вечернюю и ночную службу я выстоял бодро, внимательно следя за чтением, наслаждаясь своеобразными афонскими напевами.

Мерцали свечи, менялись чтецы, входили и выходили темные монашеские фигуры, тихой волной уносились во тьму ночи звуки песнопений и все чаще и громче раздавались вздохи утомленных старцев. А я, не примечая времени, с интересом присматривался и прислушивался ко всему окружающему и благодарил Бога, что привел меня на Святую Гору. Когда же слишком одолевала духота, выходил на терраску и глядел в бездонную пропасть южной ночи и освежался соленоватым воздухом моря, который доносил тихий ветерок вместе с ароматом афонских растений... Но вот литургия окончилась, и, приложившись к кресту, вышел я на монастырский двор, по которому рассыпались гости. Порой они соединялись в небольшие группы «старых знакомых» и вполголоса обменивались своими впечатлениями.

– А, отец Нафанаил! – донеслось до моего слуха из соседней группы. – Вот и привел Господь встретиться снова... А, почитай, не видались уже года четыре!

Я посмотрел в сторону говорившего и увидел древнего монашка, седого, как лунь, и стоявшего с таким же седеньким странничком в помятой скуфейке.

– Больше, чем четыре, отец Софроний! – ответил тот, кого звали Нафанаилом. – Помню, что повстречались мы с тобою в последний раз на Сорок Севастийских мучеников, а тому будет уже лет шесть. Я тогда еще с отцом Феофилом зырянником путешествовал по горе, вдвоем мы сиромасили... Да!

– Может и так, отец... Время-то бежит у Господа и нас к покою могилки приближает. Ну, а где же спутник-то твой. Теперь припоминаю и его, зырянина-то этого.

– А почил Феофил-то мой... давно почил. Вскоре после той нашей встречи почил. В больнице у ильинцев конец свой земной обрел... Там и погребен бысть. Вот теперь один я и странствую.

Пока хозяева сутились в трапезной около больших столов, приготовленных для угощения многочисленных гостей обители, решил я воспользоваться свободным временем и осмотреть усадьбу Крестовской келлии, в чем мне много помог старичок-монах, показывавший замечательные уголки их обительского хозяйства. И я с удовольствием осмотрел виноградники, огороды и вместительные цистерны для собирания дождевой воды, столь необходимой для питья, изготовления пищи и правильного огородничества на горных высотах. И при виде этих доказательств упорного и подлинно-вдохновенного труда крестовских иноков, добровольно ушедших для подвига и труда на Святую Гору, я не мог удержаться от выражения волновавших меня чувств шедшему со мной старцу. Но мой провожатый в ответ на мои похвалы только кротко улыбнулся и слегка махнул рукой:

– Ну, чему уж там учиться у нас! – проговорил он тихо. – Немало есть в миру людей, во много раз лучше нас, недостойных и грешных, мнящих себя близкими к Богу. А к кому он ближе на самом деле – только ему самому и ведомо! Что же касается трудов наших, то и они без его помощи не совершаются... Всё Господь помогает.

Вслед за виноградниками и огородами добрый старец провел меня к усыпальнице, примитивной и крошечной. На Афоне вообще все монашеские усыпальницы устроены по одному образцу и подчиняются одним правилам, т. е. трехлетнему пребыванию монашеского праха в земле и последующему водворению его костей в особое помещение для вечного упокоения.

– Вот это все наши «бывшие» – объяснил мне старец, указывая на правильно сложенные в усыпальнице кости. – Земля еси, в землю отыдеши, аможе вси человецы пойдем...

Пока я в раздумье стоял около открытой двери усыпальницы, из нее вышло жуткое существо в поношенной ряске, с суровым выражением землистого цвета лица, окаймленного жидкой седой бородкой. Это был старец, приставленный к усыпальнице и неизменно пребывающий в соседстве с черепами и костями своих бывших собратьев.

– Вот и отец Мелитон! – сказал мой спутник, добродушно кивнув вышедшему из склепа гробничему. – Блюдет кости скончавшихся и от зла их охраняет.

Но отец Мелитон даже не улыбнулся в ответ на слова добродушного старца.

С уважением отвесив поклон, молча я покинул «Мелитоновы владения». И уже вскоре находился на залитом солнечными лучами дворике обители, постепенно освобождавшемся от странников и других гостей, направлявшихся занимать места за праздничными столами.

* * *

Крестовоздвиженская или, как ее называют на Афоне, просто Крестовская, келлия находится на восточном склоне Святой Горы и расположена на прекрасном выровненном холме, от которого не более получаса ходьбы до морского берега. Позади обители возвышается огромный холм, покрытый каштановыми рощами, придающими особую красоту этой местности. Обитель обсажена огромными кипарисами и издали привлекает взор путника своей колокольной и куполами. Местоположение этой обители изумительно красивое, изобилующее великолепными панорамами, полными живописных красок и безмятежного величия природы. Только на западе эти панорамы несколько заслонены соседними высотами, покрытыми густым лесом. Что же касается востока, то там взор наблюдателя всецело очаровывает лазурное море архипелага, с выделяющимися на его зеркале величественными

островами. На южной же стороне глаз долго не может оторваться от гигантского массива Афона, находящегося близко от Крестовской келлии. Хорошо видны с ее холма также Карея, Андреевский скит и множество отдельных келлий, живописно расположенных в изумрудном царстве зелени.

Крестовскую обитель по ее благоустройству свободно можно причислить к ряду лучших святогорских общежительных пустынных келлий. Начало существования этой обители относится к X веку. Как и другие пустынные обители, она была тогда устроена для безмолвного подвижничества особенно ревнующих иноков-греков, удалявшихся из монастыря по благословению своих старцев, дабы проводить остающиеся им дни жизни в пустынном уединении, посте и молитве. В начале прошлого века эта обитель перешла от греков в русское владение. И с того времени она стала благоустроиться, достигнув полного расцвета при старце отце Пантелеимоне. Вследствие усиленного притока братии (до великой войны в этой обители спасалось до 130 монахов) и паломников проводилось усиленно строительство. В результате этого она имеет благоустроенный и красивый вид. Главный корпус с церковью имеет три этажа и весьма красив снаружи. Но, помимо этого корпуса, имеется еще несколько меньших, в которых также размещалась братия. В этой обители имелась еще слесарная, кузнечная и столярная, сапожная, портняжная, хлебная и просфорная; до войны была еще собственная фотография и переплетная.

В Константинополе эта обитель имела с 1900 года свое подворье для приема паломников из России, а в Палестине приобрела Фаранскую Лавру, основанную Харитоном Исповедником. Кроме того, в 1912 году приобретен был в Сирии, на Ливане, близ Бейрута, монастырь Св. пророка Илии, в который тогда было выделено из Крестовской келлии больше сорока человек братии.

Келлия св. Артемия

Пользуясь своим пребыванием у гостеприимных крестовских иноков, я решил посетить и соседнюю с ними русскую келлию Св. Артемия. Эта благоустроенная обитель находится недалеко от моря и главной дороги, ведущей от Кареи в Лавру Св. Афанасия и на вершину горы. Она находится на половине этого пути, а потому все паломники посещают ее. Основание этой келлии относится к XIV веку. До 1862 года она была в греческих руках, имея печальный и запущенный вид. Но с этого года начинается постепенное ее расширение: на месте старого греческого храма был отстроен новый, а вскоре и второй храм, затем устроен был корпус для братии и другие помещения. В конце же прошлого столетия был выстроен новый большой корпус, увеличена разработка земли и вообще обитель приведена в благолепный вид.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.